

СУДЬЯ

zhurnalsudya.ru

2020
ноябрь

тема номера

COVID-19: правовые последствия

Х.И. Гаджиев

Информационные технологии
и эволюция презумпции
невиновности

«...Широкое использование информационных технологий служит повышению эффективности правоприменения, позитивно влияя на поддержание безопасности, охрану правопорядка и предупреждение правонарушений. Одновременно с этим наблюдаемый сдвиг в применении технологий требует надежной защиты прав человека, предполагающей уважительное отношение и соблюдение презумпции невиновности.

Роль информационных технологий в арбитражном процессе в условиях пандемии COVID-19

9

Административная ответственность в связи с введением режима повышенной готовности

15

Цифровые технологии в условиях пандемии коронавируса: опыт Франции

37

Отмена чрезвычайных мер пражским судом

42

Судья

ноябрь | 2020

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
Н.В. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зиятдинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казакова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 11 [119] 2020
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Криэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
9.11.2020 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 9050 экз. Заказ № 119-1120

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2020

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

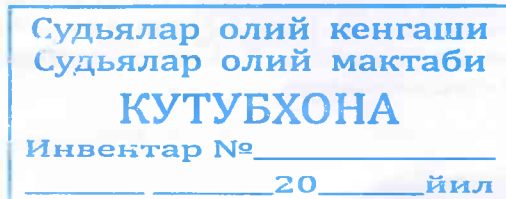
Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
Фотобанк Лорн,
Шаттерсток

COVID-19 безвозвратно изменил все общественные и политические институты, да и само человечество. Прогнозов о том, что нас ждет после пандемии, множество, но эксперты сходятся в одном – мир уже не будет прежним. Перевернута очередная страница книги жизни, и мы начинаем новый этап развития, который сулит нам немало открытий. Читателям нашего издания прежде всего важно понять, как изменится общественная оценка роли права и прав человека в ходе осуществления правосудия. Информационные технологии меняют как степень, так и качество участия государства в общественной жизни. Технологическая революция сделала жизнь людей удобней и рациональней, упростила взаимодействие граждан во многих отраслях деятельности. Не стала исключением и деятельность судебных органов. Повсеместное внедрение онлайн-правосудия – бесспорно качественный прорыв. Но это явление необходимо уложить в процессуальные рамки, дать ему правовое наполнение, закрепить всеобщее право на Интернет как неотъемлемое право нового поколения. Впрочем, это не отменяет защиты прав граждан предшествующих поколений, которые по ряду причин не успевают за стремительным техническим прогрессом.

В этот раз мы отказались от публикации привычного для нашего издания главного интервью номера. Мы пришли к выводу, что позиции всех авторов будут тем *vox populi*, который поможет разобраться в том, какие же правовые последствия повлечет за собой *COVID-19*. И совсем не случайно материал, открывающий этот выпуск, посвящен взаимосвязи информационных технологий и эволюции презумпции невиновности. Его автор настаивает на том, что «массовое применение информационных технологий требует интерпретации презумпции невиновности как надежного ответа вызовам вне традиционных подходов к ней». Насколько действенна эта презумпция сейчас? Как «цифра» может влиять на права человека? В полной ли мере законодатель учитывает основные права человека, подталкивая общество к выходу в виртуальное пространство? И как будет развиваться судебная практика в новых цифровых реалиях? Ответы на эти и многие другие вопросы ищите на страницах номера.

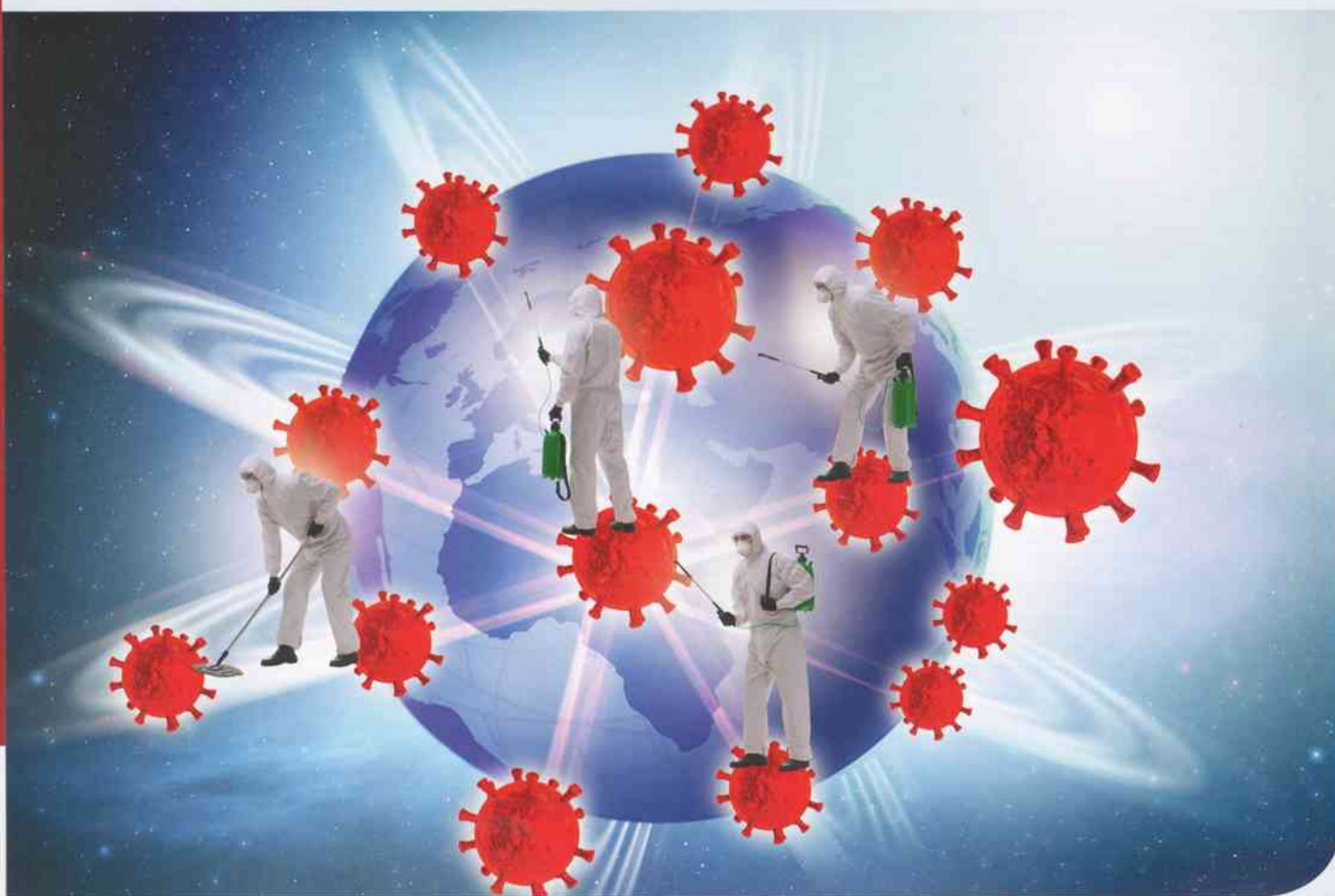
На прошедшей в конце октября Всероссийской научно-практической конференции «Судебная власть в современном обществе» также много говорилось о переменах, происходящих в обществе и в судебной системе. Участники конференции согласились с тем, что судебная власть была и остается сверхчувствительным к меняющимся социальным условиям институтом. Председатель Совета судей России Виктор Викторович Момотов обозначил основные болевые точки в настоящем, определил векторы развития независимой судебной власти, строящей свою деятельность на «прогрессивных принципах судостроительства и судопроизводства» и ищущей «новые потенциалы взаимодействия с гражданским обществом и государством».

В октябре 2020 года были подведены итоги первого конкурса «Профессионально о главном», проводимого журналом. Мы благодарим всех, кто откликнулся на наш призыв принять участие в этом профессиональном соревновании и прислал в редакцию свои материалы. Каждый участник будет отмечен конкурсной комиссией, с работами призеров можно ознакомиться на сайте издания, а работы победителей мы публикуем уже сейчас.

Судья | ноябрь | 2020

COVID-19: правовые последствия

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Информационные технологии и права человека

ТЕМА НОМЕРА

4

Информационные технологии и эволюция презумпции невиновности. **Ханлар Иршадович Гаджиев**, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заведующий отделом судебной практики и правоприменения, доктор юридических наук

9

Роль информационных технологий в арбитражном процессе в условиях пандемии COVID-19. **Константин Леонидович Брановицкий**, Уральский государственный юридический университет, профессор кафедры гражданского процесса, доктор юридических наук

15

Административная ответственность в связи с введением режима повышенной готовности. **Евгений Александрович Носиков**, Центральный районный суд г. Тулы, заместитель председателя суда, кандидат юридических наук

ТЕМА НОМЕРА

- 21 Цифровизация судебного процесса: защита прав и электронные технологии. **Мария Олеговна Дьяконова**, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса, кандидат юридических наук
- 25 Суд присяжных в условиях пандемии – зарубежный опыт работы. **Никита Владимирович Буштец**, правовой департамент Минпросвещения России, референт отдела правовой экспертизы
- 29 Пандемия и информационное пространство – правовые аспекты. **Валентина Викторовна Комарова**, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, профессор, доктор юридических наук, почетный работник высшего образования Российской Федерации
- 33 Пандемия в больших городах: правовые уроки. **Владимир Викторович Таболин**, Государственный университет управления, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, профессор, доктор юридических наук
- 37 Цифровые технологии в условиях пандемии коронавируса: опыт Франции. **Эльвира Владимировна Талапина**, Институт государства и права РАН, главный научный сотрудник, доктор юридических наук
- 42 Чрезвычайные меры и судебная практика Чешской Республики в период пандемии. **Петр Рудловчак**, Адвокатское бюро «Шафра и партнеры» (*Safra & partneři s.r.o.*), адвокат
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО 47 Незаконное возмещение налога на добавленную стоимость: вопросы уголовно-правовой квалификации. **Сергей Владимирович Трохов**, управление процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации, руководитель отдела процессуального контроля за расследованием налоговых преступлений
- БАНКРОТСТВО 54 Субсидиарная ответственность при банкротстве: вопросы судебной практики. **Петр Петрович Ланг**, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, начальник отдела анализа, статистики и обеспечения судопроизводства, Самарский государственный экономический университет, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук, доцент
- ПОБЕДИТЕЛИ
КОНКУРСА
«ПРОФЕССИОНАЛЬНО
О ГЛАВНОМ» 59 Первый председатель. **Наталья Михайловна Араева**, Верховный Суд Республики Калмыкия, пресс-служба, пресс-секретарь
- 62 Оценка деятельности судов Иркутской области по взаимодействию со СМИ. **Анастасия Александровна Клинова**, **Юлия Ивановна Фиророва**, Иркутский областной суд, пресс-служба
- 64 Простое дело. **Александр Владимирович Пастухов**, редакция газеты «Аннинские вести» Аннинского района Воронежской области, журналист

Информационные технологии и эволюция презумпции

НЕВИНОВНОСТИ

Ханлар Иршадович Гаджиев

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заведующий отделом судебной практики и правоприменения, доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. Широкое использование информационных технологий служит повышению эффективности правоприменения, позитивно влияя на поддержание безопасности, охрану правопорядка и предупреждение правонарушений. Одновременно с этим наблюдаемый сдвиг в применении технологий требует надежной защиты прав человека, предполагающей уважительное отношение и соблюдение презумпции невиновности.

Ключевые слова: права человека, информационные технологии, презумпция невиновности, судебная практика

Information technologies and the evolution of the presumption of innocence

Gadzhiev Hanlar Irshadovich, Institute of legislation and comparative law, Head of Case-Law and Law-Application Department, Doctor of Laws, Moscow, Russia

Annotation. Wide use of the information technologies serves the purpose of increasing the effectiveness in applying law, has a positive impact on maintaining security, protection of the legal order and prevention of offences. At the same time the shift observed in applying the technologies requires reliable protection of human rights, implying respect for the presumption of innocence.

Keywords: human rights, information technologies, presumption of innocence, case-law

Время, в котором мы живем, отличается бурным развитием информационных технологий, которые естественно влияют на темпы социальных процессов. Это требует систематического анализа известных и нашедших признание правовых доктрин с целью их нового осмысления, модернизации подходов, постоянного соизмерения устоявшихся взглядов с происходящими в общественном сознании сдвигами. По общему признанию, в странах с развитыми правовыми системами существует консенсус о роли и значении судебного развития права, и связано это с пониманием того, что именно суд, используя современные методы правовой интерпретации, способен сочетать уважительное отношение к традиционным ценностям, не являющимся преходящими даже в условиях требующихся или реализуемых преобразований, со своевременным реагированием на новые вызовы. Представляется, что приверженность таким фундаментальным доктринам, как презумпция невиновности, верховенство права и права человека, в сочетании с методом эволютивного толкования права позволяет совмещать стабильность и динамику, определенность, устойчивость и развитие права, что отражается и на жизнедеятельности государства. Следование названным условиям обеспечивают эволюции правовых доктрин, в том числе презумпции невиновности. Такое отношение к праву позволяет хранить смысловые аспекты правовых концепций и идей, улавливая одновременно изменяющийся фон, который подвержен стремительным преобразованиям. Следовательно, судебное развитие права является в том числе отражением контекста времени, в котором рассматривается конкретное дело. Эмпирическое развитие права и способность реагировать на динамику контекстов, т.е. внешнего фактора, служит эффективности правовых доктрин, созданных столетия тому назад и успешно применяющихся сегодня, позволяя оставаться им актуальными и действенными. Вместе с тем современные технологии превзошли наши ожидания, заставив заново оценить формировавшуюся

фактически на протяжении веков доктрину презумпции невиновности как важную гарантию от незаконного преследования людей, имеющую исключительное значение для защиты их чести и репутации, предположение о добропорядочности человека до решения вопроса о его виновности в установленном законом порядке на основе судебного решения. Эта доктрина служит надежным фактором осуществления правосудия в демократическом государстве, а ее формирование и эволюция идут параллельно с совершенствованием законодательства и практики его применения, обогащения и развития правовой культуры.

Поддержание презумпции невиновности непосредственно связано с обязательствами государства в отношении граждан, потерпевших от преступного посягательства, подозреваемых либо обвиняемых. Именно на государство возложена ответственность по соблюдению процессуальных гарантий при построении и функционировании системы уголовной юстиции. Ясно, что должностные лица наделены большей властью, чем обычные граждане. От них зависит воплощение самой доктрины презумпции невиновности, представляющей собой цивилизованную границу, предел функционирования любой власти, выход за который чреват серьезными ошибками и произволом.

Интересно заметить, что возникшая более ста лет назад в недрах американской юстиции концепция разумных ожиданий неприкосновенности частной жизни перекочевала в европейское право, найдя свое воплощение в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в качестве законных ожиданий. Однако независимо от движения и трансформации концепции очевидно, что общество воспринимает конституционные ценности и процесс их реализации в том числе с точки зрения оправдания его ожиданий, которые находят свои истоки в конкретной конституционной записи. В то же время они могут находиться за пределами основного закона, приняв иную форму правового

права человека

охрана правопорядка

информационные технологии

оформления. Пожалуй, лучшая форма определения разумного ожидания в правовой реальности происходит в судебном праве. Опыт и знания судьи помогают ему не только разобраться в фактах дела и требованиях правового регулирования, но и в тонкостях социальных ожиданий защиты фундаментальных прав. Ожидания общества не воплощаются порой в каких-либо формулировках, они зависят от понимания общей концепции развития и представления о справедливости. Они выступают также в качестве постоянно присутствующих факторов, стимулирующих интегративное развитие права.

Очевидно, что судьба любой доктрины в немалой степени зависит от эффективности правоприменения. При этом мы, анализируя пре-

Презумпция невиновности сохраняет свою моральную и правовую силу, выступая в качестве фундаментального права

зумпцию невиновности, не отрицаем сложности ее восприятия в эпоху бурного развития цифровых технологий и стремления национальных и международных правовых институтов усилить внимание к вопросам защиты частной жизни. Сложности восприятия и применения этой доктрины связаны с парадоксальным и абстрактным характером проблемы. С одной стороны, можно вести речь о концептуальном противоречии, когда подозреваемое лицо невиновно, но в то же время существует обоснованное предположение виновности. Теоретически пытаются объяснить это противоречие обоснованием нормативного, а не фактического характера доктрины. С другой стороны, нечасто признается, что использование доказательств, полученных посредством обращения к последним достижениям информационных технологий, служит защите людей от неправомерного подозрения или осуждения за преступления. Следовательно, важно

осознать, что адекватная оценка затрат и преимуществ использования технологий невозможна без понимания того, что то же наблюдение служит повышению безопасности людей, защите важных гражданских свобод от противоправных посягательств. Сторонники широкого толкования презумпции невиновности предлагают выйти за рамки традиционного подхода, рассмотрев ее вне особого аспекта права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, в качестве общего морального права. Такое отношение объяснимо тем, что нормативный подход к исследуемой презумпции может быть подорван попыткой распространить ее защиту на тех, кто способен стать объектом видеонаблюдения. Поэтому становится понятной позиция исследователей, рассматривающих презумпцию невиновности в двух измерениях: в качестве правовой и в качестве моральной презумпции. Первый аспект обеспечивает защиту обвиняемого от осуждения, когда еще не доказано вне разумных сомнений, что поведение лица образует правонарушение. Второй защищает обвиняемого от осуждения в уголовном правонарушении, поскольку его поведение не образует преступление. Названные измерения существенно различаются. Правовая презумпция в большей степени зависит от закона и определяет границы и стандарт доказывания относительно преступления и защиты. Моральная же вовлекает суд в моральную и социальную оценку законности материального уголовного права. В итоге правовая презумпция признается и регулируется законом, моральная – нет. Возникает вопрос: может ли моральная презумпция иметь какую-нибудь правовую значимость на досудебной стадии уголовного процесса? Следует учесть, что презумпция невиновности сохраняет свою моральную и правовую силу, выступая в качестве фундаментального права. Такой подход позволяет данной доктрине защищать права человека, в особенности от навязчивого использования цифровых технологий, на всех стадиях процесса, обеспечивая их вне его рамок. Массовое

применение информационных технологий требует интерпретации презумпции невиновности как надежного ответа вызовам вне традиционных подходов к ней, возлагающих бремя доказывания на сторону обвинения, предусматривающих право хранить молчание и не свидетельствовать против себя самого, соблюдающих право на защиту и принципы состязательности и равенства сторон. Интегративный подход к презумпции невиновности, объединяющий нравственный и юридический аспекты, позволяет систематически рассматривать его в качестве зеркала, демонстрирующего преимущества и недостатки правовой системы, состояние морали и культуры общества. При этом необходимо подчеркнуть, что правовая составляющая презумпции невиновности тесно связана с защитой частной жизни и в определенном смысле с защитой данных. Условно преследование людей, сопровождающееся вмешательством в частную жизнь с использованием технологий, разделяют на следующие категории: 1) неоправданное прослушивание отдельных лиц; 2) неосновательное наблюдение за отдельными лицами; 3) нежелательная публикация личной информации. Как видно, во всех случаях вмешательство в личную жизнь требует эффективных мер правовой защиты и задействования обоих аспектов презумпции невиновности.

Современные технологии наблюдения составляют, по существу, основу новых методов следствия. Не все их тонкости, разновидности и способы воздействия на ход уголовного процесса и на права человека отражены в судебной практике и исследованы в полном объеме. Изложенное можно отнести и к проблеме их влияния на презумпцию невиновности. Между тем неисследованные частности широко распространенного наблюдения диктуют необходимость изучения связи между наблюдением и презумпцией невиновности. Ограниченное определение презумпции невиновности как процессуальной гарантии, относящейся к обвиняемым в контексте расследования и судебного разбира-

тельства, не соотносится с правами человека во взаимосвязи с массовым использованием технологий наблюдения, сбора данных, их обработки, необходимых для обнаружения и предупреждения правонарушений. Хотелось бы в связи с этим поделиться нашим наблюдением о трансформации позиции Суда Европейского союза в деле *Ministerio Fiscal*¹, в котором было признано, что доступ полиции для целей уголовного расследования к информации о подписчике не может быть определен как серьезное вмешательство (§ 54). Ссылаясь на эту позицию, ЕСПЧ в Постановлении по делу «Брейер против Германии», рассмотрев проблему контроля за запросами на информацию, хранящуюся

Важно, чтобы судебная система была способна продолжать функционирование даже в самых суровых условиях, поскольку иного механизма быстрой отмены ограничительных и даже таких карательных мер, как административные штрафы, не существует

у операторов связи, отметил, что хранение данных заявителя их поставщиками услуг в течение определенного времени было пропорциональным². Причем, по мнению ЕСПЧ, такое хранение не зависит от того, существует ли разумное подозрение в отношении лица, которого касается эта информация, и не нарушает Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод³. Интересно, что ЕСПЧ в деле «С. и Марпер против Соединенного Королевства», касаясь вопроса хранения отпечатков пальцев

¹ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 2 October 2018 in case C/2017/16 – *Ministerio Fiscal* // <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-2017/16>

² Постановление ЕСПЧ от 30 января 2020 г. по делу «Брейер (*Breyer*) против Германии» (жалоба № 50001/12). § 108–109 // Бюллетень ЕСПЧ. 2020. № 7.

³ Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

и ДНК, заявил, что бессрочное хранение этих данных создает впечатление виновности, риск порицания и видимости обращения с оправданными как с осужденными⁴. Названные выводы означали, что использованные технологии подрывают презумпцию невиновности, расширяют круг лиц, относящихся к категории подозреваемых. ЕСПЧ говорит об общественном восприятии и его важной роли в идентификации лица в качестве невиновного.

Следует отметить, что в реальной жизни электронные доказательства подчиняются тем же нормам, которые регулируют доказывание в целом. Одновременно уникальный характер цифровых доказательств, как и дел, содержащих их, ввиду угрозы злоупотреблений, манипуляций и фальсификаций требует внимательного и серьезного отношения к проблеме приемлемости. Нормы, регули-

чением свободы, но преследуют цель сдержать распространение вируса, защитить здоровье людей. Представляется, что затянувшийся кризис и принимаемые меры требуют критического анализа и контроля, главным образом судебного. Важно, чтобы судебная система была способна продолжать функционирование даже в самых суровых условиях, поскольку иного механизма быстрой отмены ограничительных и даже таких карательных мер, как административные штрафы, не существует. По мнению исследователей, необходимо, чтобы государства даже в условиях глобальной паники продолжали выполнять свои позитивные обязательства по защите прав и свобод человека, поскольку фундаментальные права и принципы, включая презумпцию невиновности, должны уважаться в любой ситуации. Новые меры, к которым решили обратиться в ряде стран для сдерживания вируса, значительны: от бионаблюдения и онлайн-отслеживания до цензуры. Некоторые из них сложно назвать временными, поскольку отменить их будет непросто. На суды ложится обязанность проверять пропорциональность мер, определять уровень их соразмерности и степень воздействия, безопасности и, что важно, длительности их использования во времени. Необходим судебный контроль за проверкой соблюдения демократического процесса принятия ограничительных мер. Суды должны адаптироваться к новым условиям, требующим быстрой и эффективной защиты прав человека. Любое вмешательство оправдано до тех пор, пока оно отвечает требованиям пропорциональности и необходимости, а само правовое регулирование соответствует тесту «в рамках закона определенного качества». Таким образом, применение современных технологий, повышающих эффективность всей системы юстиции, предполагает соблюдение гарантий судебной защиты, в частности презумпции невиновности, лежащей в основе права на справедливое судебное разбирательство, гарантирующего охрану демократического правопорядка. □

Применение современных технологий предполагает соблюдение гарантий судебной защиты, в частности презумпции невиновности, лежащей в основе права на справедливое судебное разбирательство

рующие эти проблемы, должны быть реалистичными, с одной стороны, и постоянно развиваться ввиду стремительного обновления цифровых технологий – с другой.

Необходимо отдельно заявить о сдвигах, происходящих в восприятии презумпции невиновности на фоне нового явления – COVID-19 и связанной с ним пандемии, вызвавшей принятие новых мер, в основном ограничительных. Эти меры, к которым вынужденно прибегли многие страны, сопровождаются серьезным вмешательством в личную жизнь и ограни-

⁴ Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2008 г. по делу «С. и Марпер (S. and Marper) против Соединенного Королевства» (жалобы № 30562/04, 30566/04) // Бюллетень ЕСПЧ. 2005. № 10.

Роль информационных технологий в арбитражном процессе в условиях пандемии COVID-19*

Константин Леонидович Брановицкий

Уральский государственный юридический университет, профессор кафедры гражданского процесса, доктор юридических наук
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам осуществления права на судебную защиту в условиях пандемии COVID-19. Сквозь призму используемых в арбитражном процессе информационных технологий рассмотрены отдельные аспекты понятия «бездействие правосудия» и предлагаемые в отечественном правовом порядке подходы к решению некоторых сложных процессуальных вопросов.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, гражданское судопроизводство, информационные технологии, аналогия права

The role of information technologies in commercial proceedings during the COVID-19 pandemic

Konstantin Leonidovich Branovitskiy, Ural State Law University, Professor at the Civil Procedure Department, Doctor of Laws, LL.M. (FRG, Kiel), Yekaterinburg, Russia

Annotation. The article focuses on the right to judicial remedy during the COVID-19 pandemic. Through the prism of the information technologies used in commercial proceedings are examined particular aspects of the notion "inaction of justice" and approaches suggested in the national legal order to the solution of certain procedural issues.

Keywords: coronavirus, pandemic, civil proceedings, information technologies, analogy of law

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия» № 18-29-16070.

Современный уровень использования информационных технологий в арбитражном процессе

Текущие тенденции развития хозяйственного оборота (рост электронной коммерции, внедрение электронных государственных услуг и т.д.), устойчивое увеличение судебной нагрузки, инстанционность судебной деятельности и связанные с этим проблемы доступности правосудия показали всю важность внедрения и использования информационных технологий в арбитражном процессе. Существующая на сегодняшний день объективная направленность на цифровизацию правовых отношений посредством развития информационных технологий находит отражение, в частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹.

При этом важно подчеркнуть, что масштабное внедрение в судопроизводство информационных технологий не может и не должно влиять на суть судебной деятельности, где принятие решения всегда остается за судьей. Информационные технологии сегодня выступают исключительно как *средство решения задач правосудия*, играя, в сущности, вспомогательную роль. Можно смело утверждать, что речь пока идет лишь об инструментальном подходе к использованию информационных технологий и электронно-технических средств в арбитражном судопроизводстве.

В контексте отечественной правовой реформы внедрение информационных технологий для ускорения гражданского судопроизводства впервые было упомянуто в п. 2 Концепции судебной реформы РСФСР (утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г.²). Уже в данном программном документе, наряду с первостепенной задачей по изменению взгляда на предназначение гражданского судопроизводства (на смену инструменту

защиты общенародной собственности и социалистического срока должно было прийти понимание процесса как услуги, оказываемой государством сторонам), заявлялось о необходимости ускорения делопроизводства путем внедрения информационных технологий³.

В качестве полноценной государственной задачи в сфере правосудия использование информационных технологий было заявлено в 2006 году (см. раздел I Постановления Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе развития судебной системы России на 2007–2011 годы»⁴). В разделах I и II данного Постановления указывалось среди прочего на необходимость: создания систем по размещению необходимой информации (прежде всего судебных решений) в сети Интернет; внедрения автоматизированных систем в деятельность органов правосудия; ведения аудиозаписи судебного заседания; формирования информационных ресурсов правовой базы и банков данных судебных решений и судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции; а также обеспечения открытого доступа к правовой базе и банкам данных. С момента принятия Постановления прошло 14 лет, и многое было достигнуто, однако задача по «скорейшему внедрению в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к их развитию, а также улучшить качество и сроки осуществления правосудия» не утрачивает своей актуальности и по сей день⁵.

Рассматривая современный уровень использования информационных технологий в арбитражном процессе, в целях удобства представления материала можно разграничить технологии на

условия пандемии
гражданское судопроизводство
информационные технологии

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203) // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

³ См.: раздел 10 «Материально-техническое обеспечение судов» и раздел 13 «Гражданский процесс» Концепции судебной реформы РСФСР.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

⁵ Раздел I Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

те, которые доступны для арбитражных судов, и те, которыми могут воспользоваться лица, участвующие в деле.

Сейчас стороны в арбитражном процессе могут: подавать процессуальные документы (заявления и доказательства) в виде электронных образов документов / электронных документов; участвовать в судебном заседании не выходя из дома со своего компьютера или путем организации видео-конференц-связи между арбитражными судами; знакомиться с материалами дела в электронном виде (в том числе с документами, изначально изготовленными на бумажном носителе); получать судебные извещения в электронном виде; обжаловать судебные акты и т.д. Все эти возможности могут быть реализованы участниками арбитражного процесса с помощью программного комплекса «Мой арбитр». С 2017 года использование данного сервиса требует авторизации пользователей через портал «Госуслуги» в связи с принятием приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»⁶.

В свою очередь, судьи арбитражных судов оснащены усиленными электронными подписями для подписания судебных актов в электронном виде, имеют доступ к электронным государственным реестрам (ЕГРЮЛ/ЕГРИП, ЕГРП), при планировании судебных заседаний пользуются электронным календарем судебных заседаний (тем самым контролируется соблюдение процессуальных сроков), включены в единую систему электронного документооборота и т.д.

Несмотря на научный скепсис и некоторые опасения практикующих юристов, возникавшие как в начале внедре-

ния информационных технологий, так и на определенных этапах их развития (например, в связи с необходимостью совместного использования сервиса «Мой арбитр» и портала «Госуслуги» с 2017 г.), следует признать, что на сегодняшний день технологии существенным образом изменили и обновили арбитражный процесс, позволили ему стать более прозрачным и удобным для сторон, способствовали облегчению доступа сторон к судебной практике (размещение всех судебных актов в открытом доступе) и к судебному разбирательству, что в определенной степени упростило доступ к правосудию, а также благоприятно сказалось на движении в сторону единства судебной практики.

Арбитражный процесс в условиях пандемии. «Бездействие правосудия»: фактическое и правовое измерение

Пандемия коронавируса 2020 года, вне всяких сомнений, стала вызовом не только для населения планеты с точки зрения рисков ухудшения здоровья или падения уровня доходов, но и для государств в плане поддержания работоспособности и эффективности отдельных государственных институтов. Наряду с системой здравоохранения (на которую, разумеется, легла основная нагрузка), держать удар пришлось всем современным государственным и общественным институтам, включая систему правосудия.

В силу различного характера протекания пандемии на отдельных территориях, а также национальной, правовой, культурной и иной специфики решение проблемных вопросов, связанных с правосудием, государствами осуществлялось по-разному. Так, в ряде стран (Германия, Австрия) сфера правосудия попала в число первоочередных и требующих отдельного внимания законодательной ветви власти сфер, что привело либо к принятию специальных законов, посвященных особенностям осуществления правосудия в условиях пандемии (Австрия), либо к внесению законодательных изменений в действующие законы (Германия).

В России проблемы организации деятельности судов и порядка осуществ-

⁶ Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 4. Пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 59 «О признании не подлежащим применению отдельных постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» (Бюллетень ВС РФ. 2017. № 2) действовавший ранее порядок подачи документов в арбитражные суды был признан не подлежащим применению.

судебная практика

аналогия права

«бездействие правосудия»

вления правосудия в связи с распространением коронавирусной инфекции судебной ветви власти пришлось решать во многом самостоятельно. В частности, Президиумом Верховного Суда совместно с Президиумом Совета судей Российской Федерации были приняты постановления от 18 марта, 8 и 29 апреля 2020 г., затрагивающие организационные вопросы функционирования судов и рассмотрения дел в условиях пандемии. Кроме того, Верховным Судом подготовлены два Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) – от 21 апреля 2020 г. № 1⁷ (далее – Обзор № 1) и от 30 апреля 2020 г. № 2⁸.

Исследуя процессуальную доктрину и законодательное регулирование в сравнительно-правовом аспекте, можно обратить внимание на отсутствие в отечественном правопорядке процессуального понятия «бездействие правосудия». В российском процессуальном законодательстве в отличие от европейских правопорядков (Австрия, Германия) приостановка деятельности судов как таковая не регулируется.

Например, согласно норме § 161 Гражданского процессуального уложения Австрии, § 245 Гражданского процессуального уложения Германии (далее – ГПУ Германии), если деятельность суда прекращена вследствие войны или иного события (к таковым относятся природные катастрофы, эпидемии, революции, террористические акты⁹), производство приостанавливается на время этого состояния. В соответствии с § 247 ГПУ Германии если сторона находится в месте, в котором вследствие распоряжения органов власти либо военных действий или иных обстоятельств утрачена связь с судом, осуществляющим производство по делу, суд может по своей инициативе постановить отложение производства до устранения указанного препятствия.

В процессуальной доктрине подчеркивается, что смысл подобного регулирования состоит в защите интересов сторон разбирательства. Последние должны быть защищены от неблагоприятных последствий прекращения/невозможности деятельности суда¹⁰.

В действующих процессуальных кодексах России нет нормативных положений, гарантирующих права сторон на время приостановки работы суда («бездействия правосудия») при возникновении какой-либо чрезвычайной ситуации, а существующие положения об отложении судебного заседания, приостановке производства по делу такого специального основания, как невозможность работы суда, не предусматривают.

Следует, впрочем, признать, что отдельное законодательное регулирование подобного рода ситуаций вряд ли является единственным способом обеспечения интересов сторон разбирательства. Гораздо важнее наличие в доктрине или в судебной практике однозначного подхода к процессуальному реагированию на чрезвычайные ситуации, подобные COVID-19. Другими словами, в случае чрезвычайных ситуаций стороны разбирательства должны четко понимать, какие процессуальные последствия влечет «режим нерабочих дней», «карантин», а также что происходит с течением процессуальных сроков, если гражданам запрещено покидать свое место проживания/пребывания. В то же время характер (пандемия, землетрясение, наводнение) или продолжительность чрезвычайной ситуации, приведшей к невозможности нормальной работы судов или невозможности граждан и организаций принять участие в арбитражном процессе, по общему правилу не должны оказывать влияния на принимаемое судьей решение вопроса о течении процессуальных сроков. В этом смысле особый интерес представляет анализ подходов, существующих в отечественном правопорядке.

В п. 1 Обзора № 1 судам предложено самостоятельно решать вопрос соблюдения разумных сроков рассмотрения дел ввиду невозмож-

⁷ Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

⁸ Бюллетень ВС РФ. 2020. № 6.

⁹ Musielak H.-J. Kommentar zur Zivilprozessordnung. Verlag Franz Vahlen, 2019. § 245.

¹⁰ Münchener Kommentar zur ZPO. C.H. Beck, 2016. § 245. Rn. 1–4.

ности их рассмотрения из-за COVID-19 путем (а) приостановки производства по делу, (б) отложения судебного заседания или (в) продления сроков рассмотрения дела с учетом конкретных обстоятельств дела. В свою очередь, полагаем, что в условиях отсутствия законодательного регулирования и разработанной процессуальной доктрины по «бездействию правосудия» было бы целесообразно придерживаться единого процессуального поведения.

В п. 2 и 3 Обзора речь идет о правовых последствиях случая, когда последний день процессуального срока (а также срока, на который отложено судебное разбирательство) приходится на день, объявленный Президентом Российской Федерации нерабочим в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Анализируя предлагаемый Верховным Судом подход, следует отметить следующее. В соответствии с нормой части 2 ст. 108 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹¹ (далее – ГПК), части 4 ст. 114 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹² (далее – АПК) если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день. Исключения в правилах исчисления процессуальных сроков в зависимости от того, на кого – на лиц, участвующих в деле, или на органы власти – распространяется режим нерабочих дней, в процессуальном законодательстве отсутствуют.

Пункт 2 Обзора № 1 говорит об отсутствии автоматического переноса дня окончания процессуальных сроков на первый рабочий день, поскольку «Указы Президента Российской Федерации... в части установления нерабочих дней не распространяются на федеральные органы государственной власти, которым предписано лишь определить численность федеральных государственных служащих, обеспечивающих функционирование этих органов». В то же время некоторые участники судопроизводства могли столкнуться с факторами (включая, например, длительность и условия

режима самоизоляции, изменившийся график работы почтовых отделений, возможность подачи документов в электронном виде), находящимися вне их воли и делающих совершение отдельных процессуальных действий в установленный законом срок невозможным в принципе.

Так, для подачи документов в электронном виде в арбитражные суды (посредством системы «Мой арбитр») участники судопроизводства должны иметь регистрацию в Единой системе идентификации и пройти аутентификацию (на портале «Госуслуги»), а для этого *новому пользователю* потребуется подтвердить личность в одном из центров обслуживания пользователей на личном приеме, что само по себе может привести к нарушению режима самоизоляции.

Как представляется, этот и подобные ему дискуссионные моменты должны способствовать более широкому обсуждению причин отсутствия в отечественной доктрине и судебной практике однозначных подходов к понятию «бездействие правосудия».

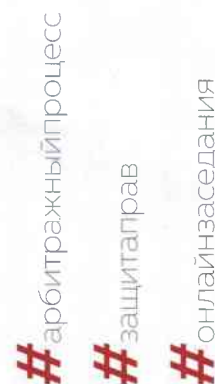
Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что процессуальные разъяснения, данные в Обзоре № 1, во многом носят частный характер, т.е. подлежат применению в конкретной правовой и фактической ситуации, возникшей в связи с COVID-19. Таким образом, предложенные решения не могут считаться окончательными, что не исключает разработку более универсальных подходов к особенностям осуществления правосудия в условиях чрезвычайных ситуаций при должном уровне доктринальной проработки.

Процессуальные гарантии в условиях пандемии

Актуальность рассматриваемой проблематики наглядно раскрывается через такие процессуальные гарантии, как доступность правосудия и право быть выслушанным в суде. Остановка работы государственных судов ввиду пандемии, равно как и продолжение их работы в условиях, когда участники разбирательства не могли бы принять участие в рассмотрении дела из-за карантина или самоизоляции, неизбежно вызывает риск

¹¹ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹² СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

снижения гарантий доступности правосудия и права быть выслушанным¹³.

В определенном смысле информационные технологии в арбитражном процессе позволили удержать ситуацию под контролем. Участники разбирательства имели доступ ко всем без исключения возможностям программного комплекса «Мой арбитр», а значит, могли подавать ходатайства и жалобы в электронном виде. Нужно отдать должное и оперативности Верховного Суда Российской Федерации¹⁴, который начиная с апреля 2020 г. (реально — мая, июня) смог расширить технические возможности платформы и обеспечить возможность участия в заседании лиц в режиме онлайн.

Для этого на главной странице сервиса пользователю нужно выбрать раздел «Заявления и ходатайства», ввести номер дела, после чего перейти в подраздел «Участие в судебном заседании» и нажать на ссылку «Ходатайство об участии в онлайн-заседании». После направления ходатайства (и необходимых документов) оно будет рассмотрено судьей, и при наличии технической возможности участник получит уведомление о дате и времени онлайн-заседания. Справедливости ради стоит заметить, что воспользоваться такими возможностями могут только зарегистрированные, т.е. прошедшие процедуру идентификации личности, требующую личного присутствия гражданина (см. выше), пользователи сервиса «Мой арбитр». Все остальные, соблюдая режим ограничительных мер (запрет свободного перемещения по городу и т.д.), не

имеют возможности даже подключиться к данному сервису, а значит, по сути, не имеют доступа к правосудию. Такое положение способно повлечь риски нарушения принципа равноправия сторон в арбитражном процессе (ст. 8 АПК).

Краткие выводы

Существующий уровень использования информационных технологий в арбитражном процессе позволил избежать гораздо более серьезных последствий для отечественного правосудия в условиях пандемии COVID-19. Судебная система, введя возможности онлайн-заседаний, продемонстрировала гибкость и открытость к новым коронавирусным реалиям, что свидетельствует в том числе о наличии высокого потенциала, заложенного ее создателями.

Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие суды, не дожидаясь внесения законодательных изменений или доктринального обоснования их необходимости, поставив во главу угла задачи судопроизводства (ст. 2 АПК, ст. 2 ГПК), продолжили осуществлять свою важнейшую задачу по отправлению правосудия и защите прав граждан, несмотря на существующие сложные обстоятельства.

Кроме того, в общественном сознании произошел определенный перелом, после которого игнорировать влияние технологий на судебное производство больше не представляется возможным. Даже ограниченный по времени режим самоизоляции показал, что цифровая реальность в праве и процессе становятся востребованными как никогда. Технологии не только способны облегчить доступ к судебной защите, но и становятся единственным инструментом ее достижения в кризисные времена.

Вместе с тем пандемия показала отсутствие должного уровня доктринальной разработки особенностей осуществления правосудия в режиме чрезвычайных ситуаций. Правосудие, даже в режиме чрезвычайной ситуации, должно осуществляться по процессуальным правилам, заранее известным сторонам разбирательства. Только наличие последних способно обеспечить соблюдение существующих процессуальных гарантий.

¹³ Следует отметить, что в российском правовом порядке право быть выслушанным как самостоятельный принцип отсутствует. Однако Конституционный Суд Российской Федерации ссылается на него как на общеправовой принцип, обеспечивающий соблюдение права на справедливое судебное разбирательство. См.: Постановление от 12 марта 2001 г. № 4-П // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138. Подробнее см.: Филатова М.А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 105.

¹⁴ Указанная возможность была предусмотрена пунктом 5 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (в ред. от 29.04.2020) // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Административная ответственность в связи с введением режима повышенной готовности

Евгений Александрович Новиков
Центральный районный суд г. Тулы,
заместитель председателя суда,
кандидат юридических наук
г. Тула, Россия

Аннотация. В настоящей статье приведена актуальная практика судов Тульской области по рассмотрению дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением мер ограничительного характера в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция (COVID-19), пандемия, режим повышенной готовности, правонарушения, административный штраф

Administrative responsibility in relation to the introduction of the regime of increased readiness

Yevgeniy Aleksandrovich Novikov, Tsentralny District Court of Tula, Deputy President, Candidate of Laws, Tula, Russia

Annotation. The present article features the current case-law of the courts of the Tula Region on administrative offences related to the violations of limitations during the spread of the new coronavirus infection COVID-19.

Keywords: coronavirus infection (COVID-19), pandemic, regime of increased readiness, offences, administrative fine

Современный этап развития нашей цивилизации можно охарактеризовать как постиндустриальное информационное общество. В связи с этим особую значимость приобретает скорость передачи информации и обмена опытом между гражданами, государственными органами и странами.

С учетом новых вызовов времени важной чертой в профессиональном портрете юриста становится умение действовать в экстремальных ситуациях и нестандартно мыслить.

В частности, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 потребовала оперативного принятия регулирующих актов, обеспечивающих безопасность граждан Российской Федерации, и мер контроля за их исполнением.

Сложившаяся в нашей стране эпидемиологическая обстановка повлекла

Наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений

среди прочего усиление ответственности за нарушение карантинных мер. Соответствующие правовые изменения затронули и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ).

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»² была введена статья 20.6¹ КоАП РФ «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения», а также внесены изменения в статью 6.3 КоАП РФ, новая редакция которой предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся:

– в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов;

¹ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2029.

– невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, если указанные действия совершены в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина);

– невыполнении в установленный срок законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий;

– действиях (бездействии), предусмотренных частью 2 данной статьи, повлекших причинение вреда здоровью человека или смерть человека, если они не содержат уголовно наказуемого деяния.

2 апреля 2020 г. Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 417³, утвердив обязательные для исполнения гражданами и организациями Правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

В развитие названных положений федерального законодательства в субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. В Тульской области, например, таким документом стал указ губернатора Тульской области от 16 марта 2020 г. № 12 «О дополнительных мерах, принимаемых в связи с введением режима повышенной готовности на территории Тульской области»⁴ (с соответствующими редакциями), в последующем измененный указом губернатора Тульской области от 30 апреля 2020 г. № 41 «О дополнительных мерах, принимаемых в связи с введением ре-

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. 4). Ст. 2274.

⁴ Российская газета. 16 марта 2020 г.

режима повышенной готовности на территории Тульской области» (в ред. указа губернатора Тульской области от 10 мая 2020 г. № 46).

В целях обеспечения единообразного применения законодательства Верховный Суд Российской Федерации дал судам разъяснения, в том числе относительно применения законодательства об административных правонарушениях, изложив их в Обзорах по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 1⁵ и № 2⁶. Рассматриваемой нами теме посвящены вопросы 17–26 в Обзоре № 1 и 20–21 в Обзоре № 2.

В частности, в вопросе 22 Обзора № 1 затрагивается проблема ограничения правонарушений, совершенных гражданами с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания, либо прибывшими в Российскую Федерацию из-за рубежа, либо находившимися в контакте с источником заболевания, от правонарушений, совершенных гражданами, уклоняющимися от лечения, а также иными категориями привлекаемых к ответственности лиц. В отношении обычных нарушителей высшая инстанция разрешила ограничиться вынесением предупреждений, но подчеркнула, что в любом случае следует учитывать все обстоятельства дела⁷.

Наказание, как подчеркивает Верховный Суд Российской Федерации, должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

В условиях введенного режима повышенной готовности суды Тульской области рассматривали дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.3, 20.6¹, 19.4 КоАП РФ, а также статьей 5.3 Закона Тульской области от 9 июня 2003 г. № 388-ЗТО «Об административных правонарушениях в Тульской области»⁸ (далее – Закон Тульской области № 388-ЗТО), которая устанавливает ответственность за невыполнение законных решений, постановлений, распоряжений и предписаний органов государственной власти области, органов местного самоуправления, их должностных лиц⁹.

Как было отмечено выше, статья 6.3 КоАП РФ в новой редакции предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства в области санитарно-гигиенического благополучия населения.

Анализируя соответствующие уточнения, мы приходим к выводу о том, что ответственность возлагается не только на граждан как объектов контроля, но и на должностных лиц, которые организуют работу учреждения или организации в целом.

Санкция части 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ предусматривает предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 тыс. до 30 тыс. руб.; на должностных лиц – от 10 тыс. до 50 тыс. руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без организации юридического лица, – от 30 тыс. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц – от 100 тыс. до 300 тыс. руб.

Ответственность для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, предусмотрена за следующие действия (бездействие):

⁵ Тульские известия. 14 июня 2003 г.

⁹ Необходимо отметить, что данная статья Закона Тульской области № 388-ЗТО изменялась к рассматриваемым правоотношениям фактически с 16 марта 2020 г. (дата введения на территории Тульской области режима повышенной готовности) и до введения в силу нормы федерального законодательства, а именно до 1 апреля 2020 г. (введена ст. 20.6¹ КоАП РФ Федеральным законом Российской Федерации от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»).

⁵ Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

⁶ Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 6.

⁷ См.: «Ласкеровская комбинация» Верховного Суда: почему важно сохранить индивидуальный подход к спорам // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. 28 апреля 2020 г. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/28872/

административный штраф
коронавирусная инфекция
режим повышенной готовности

- нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ);
- невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности (ч. 1 и 2 ст. 20.6¹ КоАП РФ);
- невыплата или неполная выплата заработной платы за период, объявленный нерабочими днями (ч. 6 и 7 ст. 5.27 КоАП РФ);
- публичное распространение заведомо ложной информации об эпидемии коронавирусной инфекции (ч. 10.1, 10.2, 11 ст. 13.15 КоАП РФ);
- реализация либо отпуск лекарственных препаратов с нарушением размеров надбавок (ч. 4 ст. 14.4.2 КоАП РФ).

В частности, в Тульской области предприятия оборонно-промышлен-

ные лица обязаны выполнять трудовые установки.

По статистике Тульского областного суда, в период с 1 апреля по 19 мая 2020 г. в суды было направлено 1229 административных материалов. В подавляющем большинстве случаев они были связаны с невыполнением правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации (ч. 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ).

К 19 мая 2020 г. было рассмотрено 666 дел о нарушениях, совершенных физическими лицами и связанных с нарушением установленного режима самоизоляции, невыполнением санитарно-гигиенических и противоэпидемиологических мероприятий. Из них: 625 дел (93,84%) – по части 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ; 19 дел (2,85%) – по статье 19.4 КоАП РФ; 11 дел (1,66%) – по части 2 ст. 6.3 КоАП РФ; 3 дела (0,45%) – по части 1 ст. 6.3 КоАП РФ; 8 дел (1,2%) – по статье 5.3 Закона Тульской области № 388-ЗТО¹⁰.

Следует отметить, что при рассмотрении дел по статье 20.6¹ КоАП РФ судьи учитывали исключительные обстоятельства дела и смягчающие обстоятельства (возраст, личность нарушителя, имущественное положение), применяя наказание в виде предупреждения в случае малозначительности нарушения (отсутствие вреда, общественно опасных последствий, учитывая положения ст. 3.4 КоАП РФ).

Так, в 9 случаях правонарушение было связано с нахождением в скверах, парках или территориях, пребывание в которых было запрещено или ограничено. Назначая наказание, суды принимали во внимание личность правонарушителя (например, возраст от 69 до 89 лет, инвалидность II или III группы), совершение административного правонарушения впервые, а также раскаяние правонарушителей в содеянном.

¹⁰ См.: Судами региона рассмотрено 666 дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением гражданами установленного режима самоизоляции, невыполнением санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий // Пресс-служба Тульского областного суда. 22 мая 2020 г. URL: http://obsud.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=887

Превентивное наказание в виде предупреждения не оказывает на граждан такого воздействия, как наказание в виде минимального, но реального эквивалента в денежном измерении

ного комплекса получили разрешение всех санитарно-эпидемиологических учреждений на работу в условиях пандемии, поскольку административно обосновали и обеспечили практическую возможность реализации санитарно-гигиенических требований. Соблюдая установленные требования и ограничения надлежащим образом, к административной ответственности за их несоблюдение должностные лица, а также сами предприятия оборонно-промышленного комплекса не привлекались.

Физические лица подлежат ответственности в следующих случаях:

- нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ);
- невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности (ч. 1 и 2 ст. 20.6¹ КоАП РФ).

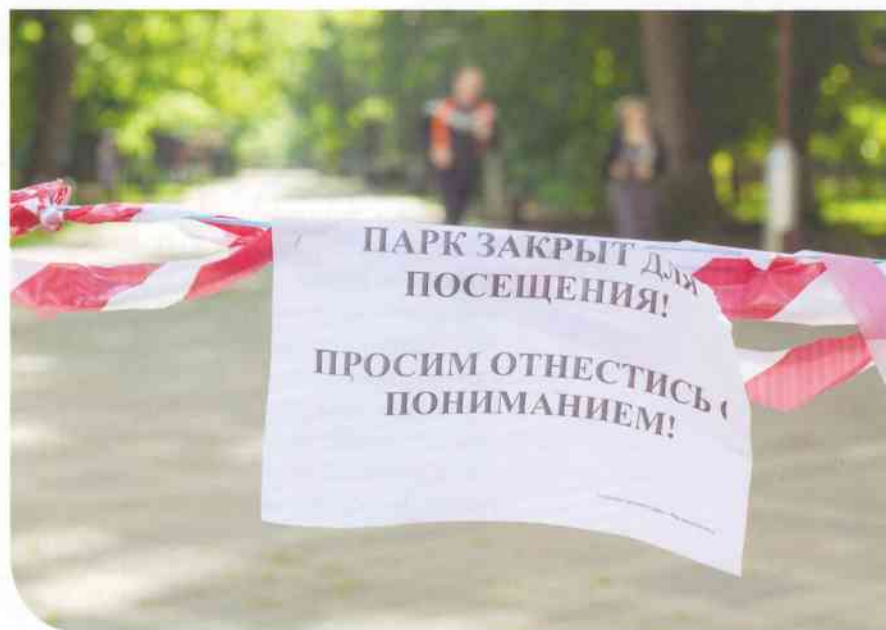
Ответственность для должностных и юридических лиц выше, поскольку они несут организующую функцию и подчи-

В частности, постановлением Алексинского городского суда Тульской области от 12 мая 2020 г. за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, гражданину назначено административное наказание в виде предупреждения. Суд учел, что нахождение вне жилого помещения было обусловлено среди прочего необходимостью приобретения товаров, реализация которых не была ограничена указом губернатора № 12, а также то, что нарушитель в силу возраста (89 лет) не имел навыков обращения с цифровой техникой и по этой причине не был ознакомлен с постановлением об ограничении в передвижении лиц старше 65 лет, которое не было ему разъяснено ни родственниками, ни социальными службами, ни сотрудниками полиции. В связи с этим гражданин, посещая продуктовый магазин и впоследствии магазин автозапчастей, не подозревал, что нарушает требования закона. Учитывая смягчающие обстоятельства (возраст, раскаяние в содеянном), материальное положение нарушителя, суд счел возможным ограничить наказание предупреждением¹¹.

В то же время полагаем, что превентивное наказание в виде предупреждения не оказывает на граждан такого воздействия, как наказание в виде минимального, но реального эквивалента в денежном измерении. Граждане имеют доступ ко всем информационным технологиям, но некоторые из них демонстративно не принимают в расчет предупреждения и ограничения по возрасту, в том числе сделанные служителями органов правопорядка при первичном нарушении.

В Тульской области за указанный период было прекращено производство по 6 делам об административных правонарушениях по части 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ (в отношении физического и должностного лиц). Так, было прекращено дело в отношении физического лица в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения, поскольку не было достоверно установ-

¹¹ См.: постановление Алексинского городского суда Тульской области от 12 мая 2020 г. по делу № 5-93-2020 // Архив Алексинского городского суда Тульской области.

лено нахождение гражданина на территории сквера, включенного в перечень общественных пространств Тульской области, посещение которых временно приостановлено, являющийся приложением к указу губернатора № 12¹².

Что касается видов примененных наказаний, то по состоянию на 19 мая 2020 г. из 666 рассмотренных судами Тульской области дел в 9 случаях вынесено административное наказание в виде предупреждения, в 651 случае назначено наказание в виде административного штрафа, 6 дел, как было отмечено выше, прекращены. Общий размер назначенных административных штрафов составил чуть менее 2,4 млн руб.¹³

К примеру, в Центральном районном суде г. Тулы, крупнейшем суде области, общая сумма штрафов, назначенных в 52 делах, рассмотренных по части 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, составила 139,2 тыс. руб. с размером наказания от 1 тыс. до 3 тыс. руб. для физических лиц и до 32 тыс. руб. для юридических лиц.

В Советском районном суде г. Тулы максимальный штраф для граждан со-

¹² См.: постановление Советского районного суда г. Тулы от 6 мая 2020 г. по делу № 5-142-2020 // Архив Советского районного суда г. Тулы.

¹³ См.: Судами региона рассмотрено 666 дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением гражданами установленного режима самоизоляции, невыполнением санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

ставил 29 тыс. руб. и был назначен в связи с нарушением части 1 ст. 20.6¹ КоАП РФ, когда гражданин в нарушение действующего запрета к посещению парков на территории Тульской области проник в огороженный сигнальными лентами Центральный парк культуры и отдыха им. П.П. Белоусова г. Тулы и разжег там костер. При назначении административного наказания Советский районный суд г. Тулы принял во внимание обстоятельства и характер совершенного административного правонарушения, посягающего на установленный общественный порядок и общественную безопасность, усугубившегося разведением костра

Небрежное отношение к запретительным мерам одних граждан может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья других

в центре города. Сам правонарушитель сообщил, что ему было известно о действующем запрете на посещение парка, он видел, что вход в парк огорожен, но все же проник на территорию парка, где разжег костер, желая согреться, так как он был легко одет и замерз. Других пояснений нарушитель не дал. Учитывая личность лица, привлекаемого к административной ответственности (индивидуальный предприниматель, не работает, в браке не состоит, иждивенцев не имеет), и его демонстративное поведение, при отсутствии обстоятельств, смягчающих ответственность, суд счел возможным назначить столь значительное наказание¹⁴.

Обоснованность этих решений лежит в зоне ответственности человека за распространение заболевания среди других граждан. Лица, понесшие административные наказания в виде штрафов, вторично к административной ответственности не привлекались,

что свидетельствует об эффективности применения штрафных санкций для данного вида правонарушений.

Как показывает практика, суды обычно придерживаются нижней границы санкций при назначении штрафа за первое правонарушение. Это обоснованная позиция, которая выполняет больше превентивную, нежели карательную функцию. В условиях пандемии нельзя оставить без внимания тот факт, что небрежное отношение к запретительным мерам одних граждан может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья других.

Штрафные санкции, наложенные судом, позволяют исключить пренебрежительное отношение граждан к выполнению норм права, что, в свою очередь, ведет к профилактике заболеваемости и снижению риска заражения.

Анализируя практику работы по рассмотрению дел данной категории в судах Тульской области, необходимо отметить следующее:

– суды при рассмотрении дел данной категории дифференцированно подходили к определению меры ответственности за совершенные правонарушения;

– наибольшее число нарушений совершено физическими лицами, склонными игнорировать и недостаточно ответственно относиться к соблюдению мер, указанных в рекомендациях Роспотребнадзора и главного государственного санитарного врача по Тульской области;

– индивидуальный подход к назначению штрафных санкций с учетом возрастно-социальных особенностей нарушителя позволяет судебной системе принимать превентивные меры в условиях повышенной тревожности населения в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к заключению, что вовремя разработанная законодательная база позволяет судам Российской Федерации грамотно стимулировать население к соблюдению обязательных мер профилактического характера, способствуя уменьшению напряженности в обществе и обеспечивая сохранение законности в условиях пандемии COVID-19.

¹⁴ См.: постановление Советского районного суда г. Тулы от 22 апреля 2020 г. по делу № 5-84/2020 // Архив Советского районного суда г. Тулы.

Цифровизация судебного процесса: защита прав и электронные технологии*

Мария Олеговна Дьяконова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса,
кандидат юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. Деятельность по отправлению правосудия не может быть делегирована цифровым технологиям. Технологии автоматизированного принятия решений могут применяться только на досудебном этапе разрешения спора (например, в рамках досудебного приказного производства), но с сохранением возможности пересмотра принятого в таком формате решения судьей.

Ключевые слова: цифровизация гражданского и арбитражного процессов, электронные технологии в судопроизводстве, электронное обеспечение правосудия, электронное приказное производство

Digitalization of the judicial proceedings : protection of rights and electronic technologies

Mariya Olegovna Dyakonova, Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Senior Research Fellow at the Civil Legislation and Procedure Department, Candidate of Laws, Moscow, Russia

Annotation. The administration of justice cannot be delegated to digital technologies. The technologies of automated decision-making can be applied only at the pre-trial stage of the examination of disputes (for example, within pre-trial warrant proceedings), provided that the possibility for the review, by a judge, of the decision delivered in such a way is preserved.

Keywords: digitalization of civil and commercial proceedings, electronic technologies in judicial proceedings, electronic support to justice, electronic warrant proceedings

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16023.

Цифровизация гражданского процесса как тенденция его развития.

Прежде всего, следует признать, что сегодня цифровизация выступает объективной тенденцией развития процессуального права, и отказ от нее повлечет неблагоприятные последствия — в частности, целый комплекс новых формирующихся отношений, огромные сектора экономики останутся вне контроля со стороны правоохранительных органов и суда.

Необходимость цифровизации процесса вызвана рядом факторов.

В первую очередь это научно-технический прогресс и автоматизация производственных отношений: развитие облачных технологий, Интернета вещей, робототехники, нейротехнологий, искусственного интеллекта и др. Такое развитие трансформирует модели деятельности в бизнесе и социальной сфере, а также в области государственного управления. Данные изменения сопровождаются модернизацией материального законодательства и материальных правоотношений, что предполагает синхронное и адекватное совершенствование форм защиты возникающих прав и законных интересов.

На указанные вызовы реагируют неюрисдикционные формы защиты права, которые используют современные технологические решения и в этой части развиваются быстрее, нежели юрисдикционные (государственные). Сегодня, в частности, доступны онлайн-переговоры, онлайн-медиация, онлайн-арбитраж. Многие арбитражные институты, включая Международную торговую палату (ICC), Международный арбитражный суд Федеральной палаты экономики (Vienna International Arbitral Centre) и Международный центр разрешения споров (ICDR), предусмотрели в своих регламентах проведение слушаний посредством видеоконференций. Участники процедуры ведут переписку по электронным каналам связи, могут задавать и отвечать на вопросы в режиме онлайн; процессуальные документы и доказательства передаются в электронной форме и все шире используется заблаговременное раскрытие электронных доказательств, в том числе с применением облачных технологий. Решение, как правило, принимается на основе загруженных сторонами доказательств.

Во многих странах действуют специальные онлайн-платформы, на которых

можно разместить претензии к контрагенту по договору, договориться самим либо с привлечением нейтрального посредника: например, на территории ЕС функционирует онлайн-платформа для урегулирования споров с участием потребителей¹. Более того, за рубежом доступны системы, которые автоматически оценивают позиции участников спора и предлагают усредненное решение, способное удовлетворить интересы обеих сторон². Создание и функционирование таких технологичных альтернативных способов урегулирования споров локализуют разрешение конфликтов, возникающих в рамках электронной торговли и опосредованных применением цифровых технологий, вне системы государственной судебной защиты.

Развитие государственной системы защиты прав также не может происходить в отрыве от новых электронных возможностей, поскольку это означало бы ограничение доступа к правосудию. Сегодня идея доступности правосудия требует более широкого подхода и включает в себя также цифровую доступность судов. То есть возможности, предоставленные лицам в материальном праве, должны быть доступны им и в рамках судопроизводства. Если правоотношения оформлены, например, смарт-контрактом, то их участникам должна быть гарантирована возможность разрешения возникающих в связи с его исполнением конфликтов (в том числе представления, исследования и оценки информации, содержащейся в таком контракте) именно государственным судом.

В противном случае возникают риски ограничения доступности правосудия, что создает условия для развития так называемой теневой юстиции, функционирующей вне институционализированных форм социального контроля. В связи с этим внедрение электронных технологий в деятельность по отправлению правосудия должно оцениваться не просто как создание дополнительных опций, призванных оптимизировать судебное производство, а как адаптация судебной формы к объективным явлениям, без которой правосудие не сможет выполнять возложенные на

¹ См.: Online Dispute Resolution // <https://ec.europa.eu/consumers/odr/main/?event=main.complaints.screeningphase>

² См., например: <https://go.smartsettle.com/>

ного правоохранительные и правозащитные функции.

Электронное обеспечение правосудия vs электронное правосудие. Степень цифровизации процессуальной формы варьируется от целей использования электронных средств коммуникации – от упрощения, ускорения процесса разрешения дела до разрешения самого спора по существу.

Отечественное законодательство постепенно развивается в направлении **электронного обеспечения правосудия**: значительная часть законопроектов предусматривает создание новых электронных возможностей для участников судопроизводства на каждой его стадии. К таким возможностям, например, относятся:

- дистанционное электронное обращение в суд путем заполнения электронных форм;
- автоматизированная проверка на предмет соответствия установленной законом форме;
- автоматизированный расчет и электронная оплата государственной пошлины;
- автоматизированное определение подсудности дела;
- автоматизированная загрузка данных об участниках процесса из личных кабинетов (идентификация лиц, участвующих в деле, посредством цифрового профиля);
- дистанционное получение информации о возбуждении дела и ходе судебного разбирательства (извещение электронным способом);
- заблаговременное раскрытие доказательств по делу в электронных системах;
- обеспечение дистанционного доступа лиц, участвующих в деле, в судебное заседание без необходимости физической явки в здание суда;
- законодательное закрепление и развитие института удаленной биометрической идентификации судом участников процесса; и др.

При этом речь идет не о полной замене традиционных подходов новыми, предполагающими электронный обмен информацией, а о дополнении имеющихся механизмов вспомогательными, применяемыми исключительно при добровольном волеизъявлении стороны спора. Это объясняется важнейшей правозащитной

функцией правосудия³, обусловленной объективной социальной потребностью в цивилизованном разрешении правовых конфликтов, притом что удовлетворение этой потребности не может быть поставлено в зависимость от того, имеется ли у конкретного лица доступ к электронным технологиям либо нет.

Однако остается ряд пробелов. Например, концентрация на оптимизации совершения отдельных процессуальных действий (наиболее популярным блоком являются нормы о судебном извещении) привела к тому, что без внимания остались традиционные институты процессуального права, такие как доказывание, а точнее – использование цифровых доказательств в судебном разбирательстве. Отсутствие правовой основы для исследования и оценки цифрового доказательства, например смарт-контракта, означает ограничение доступа к суду и права на судебную защиту. Вместе с тем использование смарт-контрактов в гражданском процессе имеет серьезный потенциал, поскольку информация о произведенных действиях, сохраняющаяся в таких контрактах, обладает высокой степенью достоверности и может быть наделена такой же доказательственной силой, как и документ, удостоверенный нотариусом.

В целом в условиях распространения новых цифровых технологий в гражданском обороте должна быть исключена ситуация, при которой складывающиеся правоотношения останутся вне системы государственной судебной защиты. Поэтому во избежание расцвета противоправного поведения судебная форма защиты прав должна быть адаптирована к новым реалиям.

Что касается **электронного (или цифрового) правосудия**, то в настоящее время его элементы как таковые в системе государственных судов отсутствуют. Можно лишь прогнозировать варианты дальнейшего развития судопроизводства в государственных судах на основе опыта альтернативных способов разрешения споров, в рамках которых начинает реализовываться потенциал так называемого искусственного интеллекта.

³ См.: Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2017. С. 94–110.

цифровые доказательства
судебное извещение
доказательственная сила

Ярким примером здесь может служить платформа *Westlaw Edge* компании *Thomson Reuters*, а также платформа *LexMachina*, которая принадлежит компании *LexisNexis*, обе они позволяют предсказывать исход судебного разбирательства благодаря автоматическому сбору и анализу размещенной в Интернете информации о судебных разбирательствах, судьях, адвокатах, сторонах и самих делах. В частности, реклама, размещенная на сайте *Westlaw Edge*, гласит:

«Откройте для себя новый уровень понимания с помощью анализа данных о судьях, судах, адвокатах, юридических фирмах и типах дел в большинстве областей практики. Будьте более информированы, чтобы оставаться впереди конкурентов и легко собирать релевантную информацию из всеобъемлющего объема данных, чтобы реагировать на запросы клиентов еще быстрее.

Поймите назначенного вам судью, включая предмет экспертизы, время вынесения решения, количество и результаты апелляции на его решения, подход к экспертам, свидетелям и авторитет, на который он склонен ссылаться.

Управляйте ожиданиями клиентов относительно сроков, стоимости и содержания судебного решения, понимая наиболее вероятные результаты.

Постройте самую сильную стратегию дела»⁴.

Интересно, что в США и Великобритании судьи приняли тот факт, что юридические компании, занимающиеся искусственным интеллектом, анализируют их решения до мельчайших деталей, а затем создают модели поведения в будущем, в то время как во Франции такая практика была признана незаконной⁵ и введена уголовная ответственность за использование результатов анализа судебной практики, позволяющее спрогнозировать, какое решение по делу может вынести конкретный судья.

В любом случае использование аналитических возможностей искусственного интеллекта в деятельности по отправлению правосудия требует взвешенного

подхода. Любые попытки заменить системой искусственного интеллекта работу судьи по рассмотрению и разрешению споров, оценке доказательств, представленным сторонами, не могут быть поддержаны. Это обусловлено тем, что правоприменительная деятельность состоит не только из формализованной части, не предполагающей усмотрение судьи и основывающейся на буквальном прочтении норм права, но и из *discretion* – судейского усмотрения, предполагающего наличие свободы выбора в рамках правовых норм, основывающейся на правосознании конкретного судьи⁶.

Поэтому деятельность по отправлению правосудия может осуществлять только судья. Вместе с тем некоторые действия суда не относятся собственно к правосудию и потому могут быть делегированы технологиям.

Так, алгоритмизация и автоматизация процесса принятия юридически значимого решения судом возможна по тем категориям дел, где заранее определен предмет доказывания и доказательства, подтверждающие имеющие значение для дела факты, где отсутствует судебное усмотрение, а функция суда, по сути, сводится к подтверждению и удостоверению. К таким делам относятся дела приказного производства. Например, путем заполнения формы, размещенной в сети Интернет, можно подать заявление о выдаче судебного приказа, которое вместе с приложенными документами будет проверено автоматически, посредством использования технологий распознавания текста, а также информации из публичных реестров. Такое приказное производство не может быть квалифицировано как деятельность по отправлению правосудия, а только как досудебная стадия. Поэтому особенно важным представляется сохранение судебного контроля и создание возможности перематризовать автоматически принятые решения непосредственно судьей. Только в этом случае не будет ограничено право на доступ к правосудию, гарантированное ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷. □

⁴ См.: <https://legal.thomsonreuters.com/en/products/westlaw/edge/litigation-analytics#expectations>

⁵ См.: France Bans Judge Analytics, 5 Years In Prison For Rule Breakers // *Artificial Lawyer*. 4th June 2019 // <https://www.artificiallawyer.com>

⁶ См.: Аргунов А.В. Искусственный интеллект рассудит? // *Вестник гражданского процесса*. 2018. № 5. С. 48.

⁷ Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // *СЗ РФ*. 2001. № 2. Ст. 163.

Суд присяжных в условиях пандемии — зарубежный опыт работы

Никита Владимирович Буштец
правовой департамент Минпросвещения России,
референт отдела правовой экспертизы
г. Москва, Россия

Аннотация: Автор исследует способы работы суда присяжных в условиях пандемии, анализируя меры зарубежных государственных органов по восстановлению работы судов, рассматривающих дела с участием присяжных заседателей, а также высказывает предложения по организации деятельности российского суда присяжных в период эпидемии.

Ключевые слова: организация деятельности суда, суд присяжных, привлечение граждан к участию в осуществлении правосудия, пандемия, коронавирусная инфекция

Trial by a jury during the pandemic – foreign experience

Nikita Vladimirovich Bushtets, Ministry of Education, Law Department, Referent at the Legal Expertise Unit, Moscow, Russia

Annotation. The author examines the working methods of juries during the pandemic by analyzing the measures adopted by foreign State authorities to restore the work of the courts that examine cases with the participation of a jury. The author also makes suggestions in relation to the organisation of trials by a jury during the pandemic.

Keywords: organization of the work of a court, trial by a jury, involving citizens in the administration of justice, pandemic, coronavirus infection

Техасский эксперимент: присяжные в гражданском деле

Реакция судов по всему миру на трудности, вызванные вирусом, не заставила себя долго ждать. Так, 22 мая 2020 г. в штате Техас (США) прошел первый судебный процесс с участием присяжных заседателей с применением видео-конференц-связи, в ходе которого было рассмотрено гражданское дело¹. Вынесенное решение не является обязательным, поскольку основная цель этого судебного процесса заключалась в проведении эксперимента, подтверждающего или опровергающего возможность использования дистанционной формы работы суда присяжных.

В связи с пандемией ряд процедур был организационно изменен, в частности отбор присяжных заседателей осуществлялся дистанционно. Перед началом реализации процессуальных процедур судья Э. Мискел проинструктировала участников о настройке технических устройств. Не обошлось без технических проблем, но в итоге их удалось устранить, обеспечив надлежащее рассмотрение дела.

Во время отбора присяжных для формирования коллегии стороны задавали потенциальным присяжным вопросы, касающиеся предвзятости, и если на экране появлялась чья-то рука, то адвокаты либо задавали уточняющие вопросы, либо записывали номер присяжного.

После формирования коллегии присяжных и начала судебного процесса стороны также посредством видео-конференц-связи представили коллегии присяжных заседателей имеющиеся у них доказательства.

Впоследствии присяжных разбили на две группы по шесть человек и разместили в отдельных виртуальных комнатах, где они могли поговорить наедине. Доказательства по делу были размещены в папках *Dropbox*,

которые могли быть изучены присяжными. Для устранения проблем, связанных с доступом к доказательствам и вопросами присяжных, судья подключался к совещательной комнате для налаживания доступа и разъяснения отдельных вопросов, что вызвало беспокойство у сторон, поскольку тайна совещания присяжных была нарушена.

Положительными сторонами от использования видео-конференц-связи, по мнению участников судебного процесса, являются (1) отсутствие опасности заражения коронавирусом, (2) сокращение транспортных расходов, которые могли понести стороны в случае очного рассмотрения дела, (3) повышенная внимательность и отзывчивость присяжных, вызванные комфортными условиями, в которых пришлось работать.

Доводы относительно отрицательных сторон работы исключительно в дистанционном формате сводились к следующему: во-первых, виртуальное обсуждение отсекает случайное взаимодействие между присяжными, которое, по мнению специалистов, необходимо для укрепления доверия внутри группы; во-вторых, стороны не уверены в возможности обеспечения конфиденциальности при дистанционном взаимодействии, например, защитника и его клиента (это особенно актуально для уголовного судопроизводства); в-третьих, размещение присяжных в виртуальных комнатах для обсуждения вердикта не позволило сохранить тайну совещания присяжных, соблюдение которой представляется чрезвычайно важным для надлежащей работы. Наличие разного рода технических неполадок также оказало негативное влияние на ведение судебного процесса.

В целом стороны остались довольны проведенным экспериментом, подтверждающим возможность применения видео-конференц-связи для отдельных этапов рассмотрения гражданских дел при участии присяжных. Как предположила судья Э. Мискель, суды могли бы использовать видео-конференц-связь в своей работе, но привлекать присяжных очно в тех случаях, когда это необходимо.

¹ См.: *Durkin A. Texas court holds first US jury trial via videoconferencing // Ap news. 22 May 2020. URL: <https://apnews.com/e434e2df6e0b09fba1a32ec3fcf4670a>*

присяжные заседатели

укрепления доверия

коронавируса инфекция

CORONAVIRUS DISEASE COVID-19 SYMPTOMS

COVID-19

BASIC PROTECTIVE MEASURES AGAINST COVID-19

Опыт штата Аляска по формированию коллегии присяжных заседателей в период пандемии

Вызывает интерес опыт штата Аляска (США) по формированию коллегии присяжных заседателей в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции. К примеру, Служба присяжных вызывает потенциальных присяжных заседателей для исполнения обязанностей по электронной почте, что исключает скопление большого количества людей, при этом к письму с повесткой прилагается памятка, содержащая информацию о симптомах, возникающих при заболевании коронавирусной инфекцией, и алгоритм действий при их обнаружении.

Каждый гражданин, получивший приглашение в суд, по номеру, указанному в повестке и дате своего рождения, может в онлайн-режиме с помощью сервиса, размещенного на официальном сайте суда, проверить, действительно ли он является приглашенным в суд, а также уточнить время явки и контакты для связи со Службой присяжных. Использование этого сервиса помогает исключить случаи мошенничества и убедить гражданина в достоверности полученной информации. Также гражданин может воспользоваться бесплатным сервисом, предназначенным для напоминания потенциальному присяжному явиться в суд. Для этого ему необходимо зайти на официальный сайт суда, указать свой номер мобильного телефона и дать согласие на получение сообщения с напоминанием.

Формирование коллегии присяжных заседателей осуществляется до прибытия потенциального присяжного в суд. Сначала сотрудник службы присяжных по электронной почте направляет присяжному анкету для заполнения, чтобы выяснить соответствие кандидата формальным требованиям, предъявляемым законодательством штата к присяжным заседателям. Затем стороны с применением технологий видеосвязи в онлайн-режиме задают потенциальным присяжным вопросы, чтобы определить, нужно ли приходить гражданину в суд для дальнейшего участия в отборе.

По прибытии в здание суда потенциальный присяжный тестируется на наличие коронавирусной инфекции. Только после этого гражданин, обеспеченный медицинской маской, допускается в здание суда, в котором установлены правила социального дистанцирования, не позволяющие одновременное нахождение большого количества людей в здании. В связи с этим присяжные допускаются в суд небольшими группами².

При этом в случае, если в назначенные дни исполнять обязанности присяжного заседателя неудобно, кандидат в присяжные заседатели может попросить отложить службу на более поздний срок в течение ближайших 10 месяцев. Аналогичное правило действует на территории и других штатов, например в штате Массачусетс³.

² См.: Jury Service Alaska Court System. URL: <http://www.courts.alaska.gov/jury/index.htm>

³ См.: Астафьев А.Ю. С чего начинается суд присяжных? // Российский судья. 2019. № 4. С. 40–43.

Необходимо отметить, что не все суды в США спешат рассматривать дела с участием присяжных заседателей. Например, в суде штата Орегон уже было проведено несколько очных судебных разбирательств по уголовным делам с участием присяжных, в то время как в Коннектикуте принято решение не рассматривать дела в таком порядке до конца года.

Работа суда присяжных осложняется еще и тем, что многие граждане опасаются за свое здоровье и поэтому откладывают свое участие в суде. Согласно результатам социологического опроса, проведенного в округе Майами-Дейд в штате Флорида (США), только половина из примерно 600 кандидатов в присяжные заседатели сказали, что готовы явиться в суд в июле для участия в формировании коллегии присяжных. Другая половина респондентов сообщили о готовности явиться в суд не раньше этой осени⁴.

Принимая во внимание рассмотренный зарубежный опыт, при организации судебных процессов с участием присяжных заседателей в России можно сформулировать следующие предложения:

1) сегодня российские суды могли бы заменить привычную рассылку бумажных приглашений потенциальным присяжным электронной повесткой, направляемой посредством использования личного кабинета гражданина, размещенного на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций), с одновременным телефонным звонком гражданину, приглашаемому в суд, чтобы проинформировать о новой форме рассылок приглашений. Сведения о телефонных номерах граждан могут быть получены по запросу суда из единого федерального информационного регистра в соответствии с частью 4 ст. 11 Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о на-

селении Российской Федерации»⁵. Это позволит, во-первых, обеспечить безопасность граждан, поскольку им не придется контактировать с бумажным носителем повестки, который может быть заражен вирусом, во-вторых, сократить расходы на рассылку приглашений, ведь сегодня норматив затрат на рассылку одного приглашения составляет примерно 60 рублей⁶. Вместе с повесткой в электронной форме целесообразно направлять информационный буклет с симптомами, возникающими при заболевании коронавирусной инфекцией, и мерах предосторожности, необходимых к соблюдению в здании суда;

2) отбор присяжных заседателей для формирования коллегии также представляется возможным проводить частично с использованием информационных технологий. Первым этапом может стать заполнение кандидатами в присяжные заседатели анкет в электронной форме, которые могли бы направляться сотрудником аппарата суда присяжному по электронной почте. На втором этапе целесообразно проверять сведения о кандидатах в присяжные заседатели на предмет их соответствия законодательным требованиям. Этот процесс также может проводиться дистанционно посредством телефонного опроса сотрудником аппарата суда потенциального присяжного заседателя;

3) в период работы суда присяжных в условиях пандемии целесообразно составить рекомендации по подготовке и проведению судебных процессов с участием присяжных заседателей. Для этих целей в Судебном департаменте стоит определить структурное подразделение, осуществляющее методическую поддержку деятельности судов, рассматривающих уголовные дела с участием представителей народа. ■

⁵ Российская газета. 11 июня 2020 г.

⁶ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 78 «О финансовом обеспечении переданных исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований государственных полномочий по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 7.

⁴ См.: *Bultman M. Judges Weigh Bigger Rooms, Cleaner Mics as Jury Trials Restart* // Bloomberg Law. 26 May 2020. URL: <https://news.bloomberglaw.com/ip-law/judges-weigh-bigger-rooms-cleaner-mics-as-jury-trials-restart>

рассылка приглашений

отбор присяжных

подготовка процесса

Пандемия и информационное пространство – правовые

аспекты

Валентина Викторовна Комарова

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, профессор, доктор юридических наук, почетный работник высшего образования Российской Федерации
Россия, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования информационного пространства в условиях ограничительных мер пандемии. Затрагиваются вопросы реализации конституционных прав посредством новых способов с использованием интернет-пространства. На базе фактического материала анализируются риски, обусловленные издержками технического обеспечения. Сформулированы предложения по приведению действующего законодательства в соответствие современным требованиям.

Ключевые слова: информационное пространство, правовое регулирование, пандемия, ограничение, права человека

Pandemic and information space (legal aspects)

Valentina Viktorovna Komarova, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA), Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Professor, Doctor of Laws, Honoured worker of the Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia

Annotation. The article focuses on the issues of the legal regulation of the information space when limitation measures related to the pandemic are in force. It covers the issues of the enjoyment of constitutional rights by the means of new methods with the use of the internet space. On the basis of factual material it analyses the risks resulting from the costs of technical support. The author formulates suggestions related to bringing the law in force in compliance with contemporary requirements.

Keywords: information space, legal regulation, pandemic, limitation, human rights

Пандемия COVID-19 как новая мировая реальность, по нашему мнению, стала началом новой цивилизации. Произошла переоценка как индивидуальных, так и коллективных ценностей. Изменились социальные модели поведения, появились новые формы взаимодействия, нарушился привычный ход жизни, поскольку появились новые социальные креативы, обновились ранее действующие модели.

Перед публичной властью встал новый и чрезвычайно актуальный набор срочных вопросов, в том числе экономических. Для их решения нужно использовать интеллектуальные фабрики, дальше развивать цифровизацию и индустрию 4.0, готовить специалистов новых профессий и новых знаний, умений и навыков, требующихся во время пандемии. В этом процессе существенную роль играет информационное пространство, правовое обеспечение которого на настоящий момент не соответствует запросам.

Под термином «информационное пространство», как правило, понимается совокупность результатов человеческой семантической деятельности: баз и банков данных; технологий их применения; информационных коммуникационных систем, которые функционируют на основе общих принципов и обеспечивают информационное взаимодействие граждан и организаций, а также удовлетворяют в определенной мере их информационные потребности. С точки зрения конституционалиста важны два аспекта информационного пространства: как среды, обеспечивающей реализацию субъективных прав человека, и как сферы деятельности публичной власти. Несомненно, важный аспект технических регламентов остается за пределами нашего внимания.

Остановимся на первом аспекте. Введенный в 2019 году новый объект гражданских прав — цифровые права (ст. 141¹ Гражданского кодекса Российской Федерации¹; далее — ГК РФ) представляет собой совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав, что сближает их по юридической природе с бездо-

кументарными ценными бумагами (§ 1, § 3 главы 7 ГК РФ)².

Своевременность и необходимость выделения в отдельную группу цифровых прав с точки зрения конституционалиста может быть подвергнута сомнению в силу недостаточной фактической составляющей. По сути, это вспомогательные элементы реализации основных конституционных прав. Мы разделяем точку зрения В.Д. Зорькина: «Цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»³.

В Российской Федерации информационное пространство является одним из основных средств реализации права, гарантированного пунктом 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации⁴, который гласит: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Без информации зачастую реализация других прав и свобод неэффективна, затруднена. Информационно-телекоммуникационные технологии и сети являются основным аспектом формирования цифровой экономики России, о чем неоднократно говорили первые лица государства.

В период пандемии актуализировалась проблема равноправия граждан в обозначенной сфере, фактически появился новый аспект неравенства — цифровой. Прежде всего здесь подразумеваются обеспеченность компьютерами

² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>; статья 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 7 августа 2019 г.

³ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета — Столичный выпуск. 29 мая 2018 г.

⁴ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

и рабочие места в семьях; проблемы доступа к информационным системам и официальным сайтам; отсутствие в селах, поселках и малых городах не только возможности обеспечения компьютерами членов семьи, но и самого доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

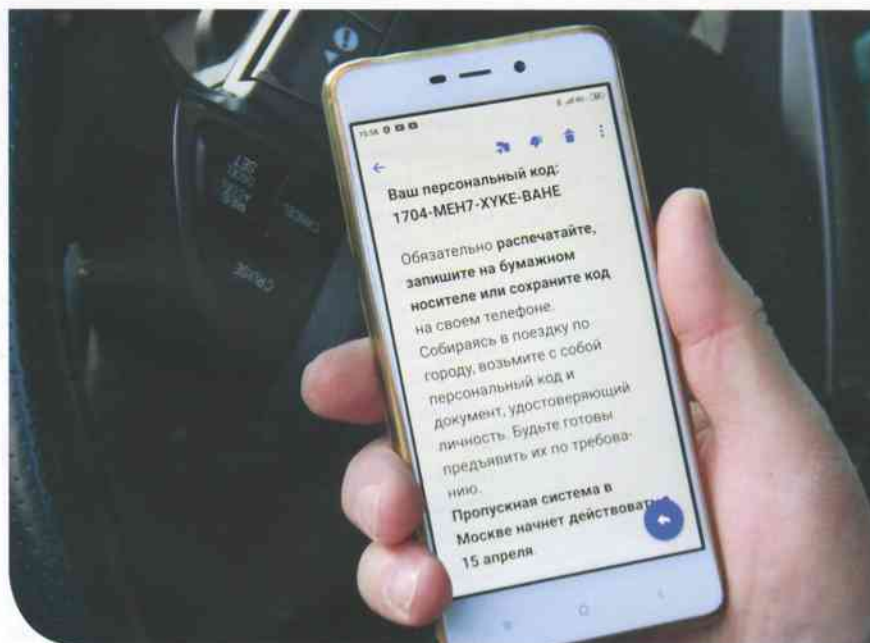
Обеспечение равных возможностей для использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет) с целью ознакомления с открытой информацией предполагает не только материальное наличие и свободный бесплатный доступ к ней, но и умение пользоваться компьютером, программами, обладание определенными знаниями в обозначенной сфере. Безусловно, наличие этих факторов у всех жителей страны – программа на будущее. Она становится еще более актуальной в связи с созданием форм реализации субъективных прав, основанных как раз на сети Интернет.

Вполне очевидно, однако, что сегодня пользователи новых технологий распределены по стране неравномерно, и наибольшая их плотность наблюдается в крупных городах. Столь же неравномерна и информатизация органов власти на местах, в первую очередь местного самоуправления.

Обращают на себя внимание как минимум две позиции – возмездность, платность доступа и отсутствие гарантированных универсальных услуг во всех населенных пунктах страны, отсутствие пункта коллективного доступа к сети Интернет.

В России количество интернет-пользователей составляет 118 миллионов человек. Это значит, что Интернетом пользуются 81% россиян. При этом численность аудитории социальных сетей в России на начало 2020 года составила 70 миллионов пользователей, т.е. 48% от всего населения страны⁵.

Таким образом, при закреплении электронных форм реализации прав и выполнении новых (появившихся в условиях пандемии) правил общедоступные механизмы их осуществления

не создадутся. Примером может стать получение пропуска на передвижение в Москве – его можно было получить посредством сети Интернет или оформить по телефону, но эта возможность далеко не всегда была доступна⁶.

По нашему мнению, установление единственной формы для выполнения правил и реализации субъективных прав в таких условиях ограничивает реализацию права граждан. Целесообразно закрепить дополнительные процедуры отправки волеизъявления, уведомления, запроса и т.д. (содержащих необходимые данные) в адрес держателей сайта для последующего внесения данных в электронный ресурс, или обязанность органов публичной власти организовать бесплатный доступ и организационно-техническую помощь желающим в регистрации и обучении, привлечь волонтеров.

Пандемия COVID-19 обострила экономические, психологические, социальные и правовые риски. В рамках

⁵ См., например: Сайты висят, телефоны не работают. Выдача цифровых пропусков в Москве и области идет с проблемами // BFM.RU. 13 апреля 2020; В Москве возникла неразбериха с выдачей цифровых пропусков. Документы массово аннулируют // iGuides.ru. 14 апреля 2020 г.; Зачем так издеваться над москвичами? // Znak.com. 8 мая 2020 г.; Какие слуги, такие и услуги: Что делать, если госсайты «лежат», а телефоны не отвечают // Царьград-тв. 13 апреля 2020 г.

⁶ См.: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>

информационного пространства можно отметить как положительные, так и отрицательные моменты, вызванные к жизни ограничительными мерами, направленными на предотвращение негативных последствий пандемии в России.

Риск подрыва доверия к власти усиливался в связи с определенными, казалось бы, технически обусловленными происшествиями.

Это примеры ненадлежащего выполнения публичной властью общей обязанности обеспечивать реализацию прав и свобод человека и гражданина. В сложный период ограничительных мер, и так неоднозначно воспринимаемых обществом, они многократно уменьшают положительный эффект от оправданных и достигших положительных результатов шагов публичной власти.

Ограничение права на свободное передвижение в период режима повышенной готовности, закрытие МФЦ привели к более активному использованию Единого портала государственных и муниципальных услуг, порталов государственных и муниципальных услуг субъектов Федерации. Однако в период пандемии Единый портал дал технические сбои, ненадлежащая работа информационной системы временно ограничила реализацию конституционных прав граждан (невозможно было оформить заявку для получения цифрового пропуска через Единый портал, который очевидно, из-за перегрузки сети, вызванной резким увеличением количества желающих воспользоваться данной услугой, стал недоступен). Единый портал не справился и с объемом поданных обращений граждан по разовой выплате на детей в размере 10 тыс. руб. в первые дни после объявления В.В. Путиным об этих мерах поддержки⁷; возникли проблемы с получением государственных услуги регистрации сделок с недвижимостью⁸.

Но есть и положительные примеры жизнедеятельности в информаци-

онном пространстве в период ограничительных мер: создание и работа официального портала «СтопКоронавирус.рф»; в период карантина волонтерами был создан специальный сайт #МыВместе. С их помощью организовывались и координировались акции взаимопомощи, направленные на поддержку пожилых, маломобильных граждан и медицинских сотрудников во время пандемии.

Во многом благодаря разветвленной системе сайтов волонтеров создан новый вид — «соседское» волонтерство, сегодня разрабатывается его концепция.

Вызванная пандемией ситуация в стране демонстрирует необходимость изменения политики государства в сфере информационного пространства, осуществления преобразований, в том числе описанных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁹.

Целесообразно выработать и закрепить алгоритмы ответственного (с возможным установлением публично-правовой ответственности) обеспечения механизма реализации конституционных прав человека с использованием интернет-пространства; информационных и иных специальных программ конструктивной направленности, создающих позитивный настрой общества при решении стоящих в период пандемии вопросов; широкого информирования о планируемых результатах вводимых мер и предпринимаемых шагов. Возможно использование социальных сетей в целях популяризации правомерного, направленного на обеспечение ценности человеческой жизни поведения и отрицательной оценки общественностью нарушителей, ставящих под угрозу жизнь и здоровье других людей; разработка и принятие ограничительных мер для источника негативной точечной информации, сеющей панику и внедряющей в сознание ее потребителей недоверие к власти и предпринимаемым мерам. □

⁷ См.: Латухина К. Путин призвал наладить четкую работу портала Госуслуг // Российская газета. 13 мая 2020 г.

⁸ См.: Госуслуги не освоили удаленную работу. Технические сбои привели к сокращению сделок с жильем // Коммерсантъ. 13 апреля 2020 г.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

Пандемия в больших городах: правовые уроки*

Владимир Викторович Таболин
Государственный университет управления,
профессор кафедры публичного права и правового
обеспечения управления,
профессор, доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена некоторым правовым аспектам борьбы с распространением пандемии вируса COVID-19 в больших городах, ставших наиболее опасными с точки зрения рисков для здоровья граждан. Рассмотрены вопросы общей безопасности города, социально-правовые особенности взаимодействия различных категорий жителей с городской властью и правоохранительными органами. Отмечается проблемность законодательства и подзаконных актов в разрешении нестандартных ситуаций, возникающих в том числе и в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: город, пандемия, безопасность, городская власть, правоохранительные органы

Pandemic in big cities : legal lessons

Vladimir Viktorovich Tabolin, State Management University, Professor at the Department of Public Law and Legal Support to Management, Professor, Doctor of Laws, Moscow, Russia

Annotation. The article focuses on certain legal aspects of countering the spread of the COVID-19 pandemic in big cities, which have become the most dangerous from the point of view of the risks for public health. It examines the issues of a city's general security, social and legal particularities of the interaction between different categories of a city's inhabitants and the authorities and law-enforcement agencies. It points out at the flaws in the legislative acts and bylaws when dealing with non-standard situations occurring also during the law-enforcement activities.

Keywords: city, pandemic, security, city authorities, law-enforcement agencies

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00720 «Разработка научных основ юридической урбанографии как нового комплексного направления в юридической науке о городах».

Уже давно мир не сталкивался со столь серьезной, неожиданной и малоизвестной вирусной опасностью, как инфекция COVID-19. Отбрасывая все околонаучные дискуссии о возникновении и военно-политическом характере распространения практически не кончающейся эпидемии, обратимся к тем проблемам и урокам, которые она нам преподносит.

В этой ситуации, как и следовало ожидать, в силу высокой плотности населения, развитости общественного транспорта и общественных услуг, огромной миграции и мобильности граждан главными «театрами войны» с вирусом стали большие города с их трудно контролируемой санитарно-эпидемиологической обстановкой. Первостепенной задачей стала личная безопасность каждого, кто оказал-

Централизация и административно-командные методы управления в условиях пандемии не должны автоматически исключать или ограничивать права человека

ся во время пандемии в городе, поскольку право на жизнь и защиту здоровья — одно из неотъемлемых конституционных прав человека.

Образовалась сложная система новых правоотношений, которые уже не носят локального характера и связаны с развитием многочисленных нестандартных правовых ситуаций, возникающих в том числе и в деятельности правоохранительных органов. Эти отношения нуждались в экстренном правовом регулировании, которое естественно обрело форму административно-командных методов, позволившую решить неотложные задачи, но не всегда позитивно воспринятую горожанами в силу инертности их отношения к опасности.

Таким образом, можно сказать, что в большом городе система юридических ограничений, вызванных срочными мерами по преодолению пандемии, наложилась на уже существующую и весьма юридически напряженную систему городских условий жизнедеятельности человека.

Учитывая более чем полугодовой опыт борьбы с вирусом, на фоне определенных успехов в этой борьбе можно

отметить некоторые уроки, которые нам нужно выучить для более глубокого понимания сложившейся ситуации и предотвращения ее в будущем.

Урок первый

Конституция Российской Федерации не закрепляет право на безопасность напрямую, но отражает различные характеристики состояния безопасности участников (субъектов) конституционно-правовых и иных отношений в обществе и государстве. Это прежде всего состояние правовой (юридической) безопасности личности, включающее в себя, например, физическую (ст. 20–23), информационную (ст. 24, 29), экономическую (ст. 34, 35), финансовую (ст. 75), экологическую (ст. 58) безопасность и т.п.¹ В обеспечении этих видов безопасности роль правоохранительных органов должна быть более активной. Анализ деятельности правоприменителей в чрезвычайных условиях, система регламентирующих эту деятельность правовых актов, необходимые материальные ресурсы и профессиональные навыки — все это должно стать основой для специального правового регулирования.

Кроме того, централизация и административно-командные методы управления в условиях пандемии не должны автоматически исключать или ограничивать права человека.

Урок второй

Значительная численность населения большого города порождает процесс постоянного формирования различных социальных групп, которые не всегда адекватно оценивают те или иные опасности. Особенно это касается молодежной среды. Школьники, студенты, молодые работники компаний и предприятий часто исходят из ложных «интернетных» представлений о ситуации и о принимаемых властными органами мерах по обеспечению безопасности граждан. Принудительные меры со стороны властей и правоохранителей вызывают обратную реакцию — желание сознательно противодействовать этим мерам. Социально-психологической настрой молодежи мо-

¹ См.: Чапчиков С.Ю. Необходима конституционная доктрина безопасности личности, общества, государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 15–16.

лет подогревается не только внутренним убеждением «одной-то ничего не случится», но и внешними «стимуляторами» в виде интернет-пропаганды, безграмотных телепередач и т.д., направленными на создание еще более неблагоприятной социально-политической обстановки в городе и стране.

Другой серьезной проблемой становятся мигранты, прежде всего иностранные, которые, не желая лишиться работы, остаются во время пандемии в городах и вместе с тем теряют большие деньги в период вынужденного простоя. Отсутствие работы и средств к существованию может существенно криминализировать обстановку в подобных «анклавах».

Урок третий

В современных больших городах постоянно возникают трудности с жизнеобеспечением населения. Территории, входящие в городскую агломерацию, но удаленные от центральной ее части (крупного города), несут непосильное бремя удовлетворения массовых потребностей жителей мегаполиса: в наличии мест отдыха, размещении производств, строительстве транспортных магистралей и узлов, обустройстве свалок мусора и его переработке и т.п. В условиях пандемии и самоизоляции значительная часть горожан перебралась в пригороды и сельскую местность, что обострило транспортные, социально-бытовые, медицинские проблемы. Например, встал вопрос об обеспечении скорой медицинской помощью существенно возросшего «некоренного населения», профилактике правонарушений и пресечении преступлений и т.п.

Урок четвертый

Рассмотрим, какие конкретные правовые меры определены Федеральными законами от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»² (далее — Закон № 52-ФЗ) и от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³ (далее — Закон № 68-ФЗ).

Во-первых, необходимо отметить, что данные законы не используют термин «са-

моизоляция». Он придуман московскими законодателями в виде поправки к Кодексу города Москвы об административных правонарушениях⁴ и мэром Москвы в Указе от 5 марта 2020 г.⁵ как некая форма режима повышенной готовности. Однако данный режим в соответствии с пунктом «б» ч. 6 ст. 4¹ Закона № 68-ФЗ определяет состояние органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации. Возникает вопрос: какое отношение это положение имеет к населению и тем более к привлечению граждан к административной ответственности за его нарушение?

Во-вторых, ст. 6 Закона № 52-ФЗ устанавливает полномочие субъектов Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения по введению и отмене на территории субъекта ограничительных мероприятий (карантина) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей. Карантин предполагает административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения

⁴ Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 12. Ст. 251.

⁵ Указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/docs/12-YM.pdf>

² СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

³ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных. А если необходимы более жесткие меры, то может быть установлен режим чрезвычайной ситуации.

Таким образом, остается загадкой, почему региональными властями не был введен ни карантин, ни режим чрезвычайной ситуации, а вместо этого использовалась пресловутая самоизоляция, которая фактически являлась незаконной (что и стало поводом для отмены изменения вводивших ее правовых актов⁶) и грубо нарушала конституционные права граждан.

Урок пятый

Правоохранительный опыт борьбы с пандемией уникален, и выше уже подчеркивалось значение его обобщения и правовой оценки. Однако необходимо обратить внимание и на некоторые другие аспекты деятельности правоохранительных органов. Так, например, в Москве и иных крупных городах ис-

пользование системы видеонаблюдения показало очень высокую эффективность в целях пресечения нарушений режима самоизоляции. В частности, каждый житель Москвы, стоящий на контроле из-за диагностированной у него болезни или контакта с заболевшим лицом, обязанный соблюдать самоизоляцию, в случае ее нарушения мгновенно и многократно определялся камерами и тут же привлекался к административной ответственности.

К сожалению, эта же система не показывает никаких результатов при поиске и задержании преступников. Сколько преступников нашли и задержали с помощью современных методов правовой цифровизации? Может быть, вместо наращивания количественных показателей и бездумной коммерциализации видеオフィкации нарушений ПДД разработать федеральную программу по полному оснащению российских городов визуальными средствами круглосуточного контроля общественного порядка, которые позволили бы выявлять правонарушителей и декриминализовать наши города, в которых проживает более 60 млн российских граждан?

В качестве общего вывода хочется пожелать, чтобы любая нештатная ситуация в большом городе на поверку всегда оказывалась штатной, т.е. урегулированной законодательно, обеспеченной процессуально, управленчески отработанной, социально и организационно понятной каждому жителю.

⁶ Указы мэра Москвы: от 22.06.2020 № 74-УМ «О внесении изменений в указы Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ и от 8 июня 2020 г. № 68-УМ» // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/74-YM\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/74-YM(4).pdf); от 09.07.2020 № 77-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ» // Там же. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/77-YM\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/77-YM(4).pdf)

Присоединяйтесь к обсуждению фундаментальных и прикладных вопросов российского и международного права.

LF Talks – серия онлайн-мероприятий под эгидой Петербургского Международного Юридического Форума. Формат дает возможность обмениваться опытом и выстраивать диалог между юристами-практиками, бизнесом и регуляторами в режиме реального времени. Выбирайте вебинары, круглые столы и презентации на актуальные для вас темы и совершенствуйте знания без отрыва от рабочего процесса.

Ищите видеозаписи всех онлайн-дискуссий на LFAcademy.ru

Промокод **РПС20** дает скидку 20% на участие в LF Talks и другие продукты просветительского портала для юристов LF Академия.

Цифровые технологии в условиях пандемии коронавируса: опыт Франции

Эльвира Владимировна Талапина
Институт государства и права РАН,
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В условиях пандемии коронавируса многие государства стали применять цифровые технологии для контроля за инфицированными лицами и их контактами. Обращение к опыту Франции в данном вопросе позволяет говорить о предупреждении возможных нарушений прав человека в результате реализации демократической процедуры введения ограничительных мер, вовлеченности гражданского общества и судебного контроля.

Ключевые слова: коронавирус, цифровые технологии, права человека

Digital technologies during the coronavirus pandemic : France's experience

Elvira Vladimirovna Talapina, Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Senior Research Fellow, Doctor of Laws, Moscow, Russia

Annotation. During the pandemic many States started applying digital technologies for the purposes of the control over those infected and their contacts. Studying the French experience in this area makes it possible to talk about the prevention of potential human rights violations as a result of a democratic procedure for the introduction of limitation measures, civil society involvement and judicial review.

Keywords: coronavirus, digital technologies, human rights

Пандемия коронавируса не только выявила множество проблем современного общества, но и простимулировала развитие некоторых областей, к каковым, безусловно, относится и цифровизация. Использование технологий облегчило удаленную работу и социальное дистанцирование. Государства во всем мире стали активно применять цифровые технологии в целях сдерживания распространения инфекции, проявляя себя при этом по-разному. Рассмотрим французский опыт.

Прежде всего, ввиду неурегулированности возникшей ситуации в действующем законодательстве Французской Республики потребовалось создать новый правовой режим, и в Кодекс общественного здравоохранения¹ была введена глава «Чрезвычайное санитарное положение». Она стала опорной конструкцией для нормативного урегулирования борьбы с пандемией, предоставив органам власти легальные основания для своих действий. Таким образом, любые вводимые меры строились на норме закона — уже имевшегося или вновь принятого. Иерархию нормативных актов в области противодействия новой инфекции возглавил Чрезвычайный закон от 23 марта 2020 г. № 2020-290 о борьбе с эпидемией COVID-19²; на его основании принимались все иные акты — декреты, постановления, указы министерств и пр.

Согласно новым законодательным положениям чрезвычайное санитарное положение может быть объявлено на всей территории континентальной Франции или ее части, а также на заморских территориях, в случае санитарной катастрофы, которая по своему характеру и серьезности ставит под угрозу здоровье населения. Чрезвычайное санитарное положение объявляется декретом Совета министров по докладу министра здравоохранения. Имеющиеся научные данные о санитарной ситуации, послужившие основанием для принятия решения, в обязательном порядке обнародуются.

Кроме того, премьер-министр получил право своим декретом вводить целый ряд мер в целях обеспечения здоровья населения в тех территориальных образованиях, где объявлено чрезвычайное сани-

тарное положение. В частности, он может ограничить или запретить передвижение лиц и транспортных средств в определенных местах и в определенные часы; запретить людям покидать свои дома, за исключением перемещений по семейным обстоятельствам или по состоянию здоровья; вводить карантин в отношении зараженных лиц; предписывать временное закрытие одной или нескольких категорий предприятий и учреждений, за исключением тех, которые поставляют товары или услуги первой необходимости; ограничивать или запрещать проведение митингов и собраний в общественных местах; предписывать реквизицию товаров и услуг, необходимых для борьбы с санитарной катастрофой; временно контролировать цены на некоторые товары (в данном случае это были медицинские маски и антибактериальные гели); принимать любые меры для обеспечения пациентов лекарственными средствами в целях ликвидации последствий санитарной катастрофы.

Перечисленные меры должны быть строго пропорциональны рискам здоровью населения и соответствовать условиям времени и места. Они прекращаются без промедления, если в них отпадает необходимость. Особо стоит отметить, что даже в чрезвычайных условиях функционирует административная юстиция — любые принятые органами власти меры могут быть обжалованы в административном суде.

Как свидетельствуют рекомендации ученых-эпидемиологов и опыт стран, столкнувшихся с эпидемией раньше других, наибольший эффект в сдерживании распространения инфекции дает так называемое социальное дистанцирование — изоляция лиц, заболевших COVID-19, и ограничение контактов между людьми вообще. Декретом от 23 марта 2020 г. № 2020-293³ для замедления распространения вируса было предписано соблюдать в любом месте и при любых обстоятельствах меры гигиены и социального дистанцирования (барьеры), определенные на национальном уровне. Более конкретно, вплоть до 11 мая 2020 г. любое перемещение лиц за пределы дома было запрещено, за исключением поездок по

права человека

пандемия коронавируса

цифровые технологии

¹ Code de la santé publique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

² Loi № 2020-290 du 23 mars 2020 d'urgence pour faire face à l'épidémie de covid-19. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

³ Décret № 2020-293 du 23 mars 2020 prescrivant les mesures générales nécessaires pour faire face à l'épidémie de covid-19 dans le cadre de l'état d'urgence sanitaire. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

следующим причинам: неотложные поездки из дома на работу; перемещения в целях закупки предметов первой необходимости в учреждениях, деятельность которых по-прежнему разрешена; перемещения по состоянию здоровья, за исключением консультаций и ухода, которые могут обеспечиваться дистанционно или могут быть отложены; передвижения по семейным обстоятельствам, для оказания помощи уязвимым лицам и ухода за детьми; короткие перемещения в пределах часа внезапно и в радиусе до километра вокруг дома, связанные с индивидуальной физической активностью людей, прогулками совместно проживающих людей и выгулом домашних животных; передвижения в связи с обязанностью явки в национальную полицию или жандармерию или любую другую службу, предписанные органом административной полиции или судебным органом; перемещения по вызову административного или общего суда, поездки для участия в миссиях всеобщего интереса по предписанию административного органа и на установленных условиях.

Выходя за пределы своего дома, лицо должно было иметь документ, подтверждающий, что цель его перемещения отвечает одному из исключений. Изначально было предусмотрено, что бланк документа заполняется лицом самостоятельно, в том числе и от руки. Однако вскоре разработчик-энтузиаст инициативно создал приложение с открытым кодом, которое не хранило персональные данные и генерировало цифровые пропуска. Этот пример положительной активности общества был быстро замечен государством, и Министерство внутренних дел, ко всеобщей удовлетворенности, сделало данное приложение официальным⁴.

Безусловно, в автоматическом режиме проще не только заполнять бланки, но и отслеживать перемещения людей. Для этого сначала в азиатских странах, первыми столкнувшихся с эпидемией, появились различные цифровые решения для контроля перемещения и контактов инфицированных лиц, построенные на использовании геолокации, цифровых браслетов и

пр., что в основном получало поддержку населения, несмотря на явное вмешательство в частную жизнь.

Во Франции, как и во многих западных демократиях, неприкосновенность частной жизни и защита персональных данных являются одной из основ правового государства. При всей привлекательности азиатского опыта с точки зрения эффективности сдерживания пандемии, на Западе трудно отказаться от соблюдения прав человека ввиду строгой регламентированности действий власти и постоянного судебного и общественного контроля за ней.

Именно поэтому запуск цифровых инструментов произошел далеко не сразу. Группа ученых из Оксфорда⁵ — разработчиков приложения для отслеживания контактов, которое строится на запоминании близких контактов лица и немедленном его уведомлении о подтвержденных случаях COVID-19 среди этих контактов, утверждает, что приложение позволяет осуществлять эпидемиологический контроль, если используется достаточным количеством людей. В то же время такой вариант сдерживания эпидемии порождает массу вопросов этического характера. В частности, оксфордская группа ученых провела в ряде европейских стран. И хотя две трети опрошенных высказались за автоматическую установку такого приложения, они вместе с тем отметили такие риски, как: 1) кибератаки на телефоны с установленным приложением; 2) возможность продления наблюдения после окончания пандемии; 3) возрастание психологического беспокойства в связи с использованием приложения; 4) технические трудности установки приложения.

В результате общественных обсуждений французское правительство одобрило запуск приложения StopCovid⁶, возложив ответственность за обработку данных из него на министра здравоохранения (главное управление здравоохранения).

⁴ См.: Confinement: c'est un Lyonnais qui a développé l'attestation de sortie numérique // Le Parisien. Le 7 avril 2020. URL: <https://www.leparisien.fr>

⁵ См.: Ferretti L., Wymant Ch., Kendall M. et al. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 2020. Vol. 368. Iss. 6491. URL: <https://science.sciencemag.org/content/early/2020/04/09/science.abb6936>

⁶ Décret № 2020-650 du 29 mai 2020 relatif au traitement de données dénommé «StopCovid». URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

отслеживание контактов
административные органы
продление наблюдения

Для принятия соответствующего Декрета от 29 мая 2020 г. № 2020-650 (далее — Декрет № 2020-650) потребовалось заключение Комиссии по информатике и свободам (французского органа по защите персональных данных), которая сочла внедрение приложения *StopCovid* возможным при условии, что оно будет полезно для стратегии социального дистанцирования и разработано таким образом, чтобы защитить частную жизнь пользователей⁷.

StopCovid обрабатывает псевдонимизированные данные без использования геолокации. В итоге создается не список инфицированных лиц, а просто список контактов, для которых все данные являются псевдонимизированными. Целью обработки данных является информирование пользователей приложения о том, что существует вероятность их заражения вирусом *COVID-19* из-за того, что они находились рядом с другим пользователем, имеющим положительный тест. Контактам с риском заражения рекомендуется обратиться в медицинское учреждение с целью обследования.

Приложение устанавливается пользователями добровольно и бесплатно. Они имеют право включать (или не включать) функциональность приложения, передавать сведения о диагностированном у них *COVID-19*, а также удалить приложение в любое время. Это позволяет соблюсти два условия, обеспечивающие защиту частной жизни, — добровольность и анонимность. В целях обеспечения открытости информации исходный код, реализованный в рамках *StopCovid*, публикуется на веб-сайтах министра солидарности и здравоохранения и министра экономики и финансов, а также на сайте www.stopcovid.gouv.fr.

В Декрете № 2020-650 определены категории данных, подлежащих обработке: уникальный идентификатор, который связан с каждым загружаемым пользователем приложением, произвольно генерируется центральным сервером и известен только серверу, где он хранится; коды стран, генерируемые центральным сервером; случайные и временные псевдонимы, которые ежедневно передаются

центральным сервером приложению при подключении к нему; история дистанций пользователя, образующая случайные и временные псевдонимы, присваиваемые с помощью технологии *Bluetooth* приложениями, устанавливаемыми на мобильные телефоны других пользователей; периоды нахождения пользователей вблизи людей, инфицированных вирусом *COVID-19* и др. Эти данные собираются и записываются приложением на мобильный телефон пользователя и хранятся на центральном сервере.

Любопытно, что критерий дистанции и продолжительности контакта пояснен отдельным постановлением от 30 мая 2020 г. как определение близости мобильных телефонов (а не людей), находящихся рядом (по меньшей мере на расстоянии метра друг от друга) в течение как минимум пятнадцати минут.

Отдельно оговорено, что данные для идентификации мобильного телефона владельца или пользователя не могут собираться или регистрироваться в процессе обработки. Сама обработка данных определена как временная — ее срок не может превышать шести месяцев после прекращения режима чрезвычайного санитарного положения.

Действия администраторов при обработке данных подлежат регистрации, и запись о них сохраняется не более шести месяцев с момента окончания чрезвычайного санитарного положения. В качестве контрольной меры определено, что ответственный за обработку данных обнародует доклад о работе *StopCovid* в течение 30 дней с момента завершения применения приложения, но не позднее 30 января 2021 года.

Как видим, обращению с персональными данными во время пандемии уделяется особое внимание. Подробный анализ по вопросу соответствия Конституции принимаемых положений о сборе и обработке персональных данных во время пандемии проведен Конституционным советом Франции⁸. В целом на обработку персональных данных в период пандемии распространяется режим, предусмотренный Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2018/1725 о защите физических лиц при обработ-

⁷ Délibération № 2020-056 du 25 mai 2020 portant avis sur un projet de décret relatif à l'application mobile dénommée «StopCovid» (demande d'avis n° 20008032). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

⁸ См.: Décision n° 2020-800 DC du 11 mai 2020. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr>

не персональных данных, осуществляемой учреждениями, органами, службами и агентствами Союза, и о свободном обращении таких данных. Однако потребовались и уточнения. В апреле 2020 г. в постановлении министра солидарности и здравоохранения Франции было внесено дополнение, касающееся мер по обработке персональных данных системы здравоохранения⁹. С единственной целью облегчить использование данных о состоянии здоровья и повысить уровень знаний о COVID-19, объединение в публичном интересе (ст. L.1452-1 Кодекса общественного здравоохранения) и Национальный фонд медицинского страхования получили право на сбор следующих категорий данных личного характера: данные, полученные из национальной системы медицинских данных, данные аптек; данные о возмещении затрат, таких как затраты на обследование; декларативные данные симптомов, происходящие из мобильных приложений по здоровью и из средств дистанционного наблюдения и медицины; результаты биологических исследований, проведенных больничными лабораториями и городскими лабораториями; данные скорой помощи, собранные Национальным агентством здравоохранения в рамках мониторинга; данные о вызовах и оказании неотложной медицинской помощи; данные о лечебных услугах в лечебно-социальных учреждениях, в том числе в учреждениях для размещения лиц пожилого возраста, находящихся на иждивении; опросы лиц для оценки их здоровья; не идентифицируемые напрямую данные из единой системы идентификации жертв; клинические данные (рентген, фармацевтика, биология, вирусология, медицинские отчеты о пациентах, находящихся на лечении в медицинских центрах).

Национальный фонд медицинского страхования несет ответственность за операции по псевдонимизации данных в связи с их пересечением, и в этих целях может обрабатывать регистрационный номер в национальном каталоге идентификации физических лиц. Данные могут быть обработаны только на технологиче-

ской платформе объединения в публичном интересе и на платформе Национального фонда медицинского страхования и не могут быть извлечены из нее. Хранящиеся на этих платформах данные из вышеперечисленных категорий не могут содержать ни имен, ни фамилий, ни регистрационных номеров в национальном каталоге идентификации физических лиц, ни адресов.

В связи с эпидемией были организованы новые системы обработки данных. Например, в министерстве заморских территорий создана система автоматизированной обработки данных персонального характера «Мне нужна помощь — я предлагаю свою помощь», куратором которой является межведомственный уполномоченный по вопросам равных возможностей французов, проживающих на заморских территориях¹⁰. Цель такой обработки данных — позволить лицам, обычно проживающим на заморских территориях, но в связи с пандемией изолированным в континентальной Франции, включая студентов, иметь сеть поддержки и солидарности во время эпидемии COVID-19. Собранные персональные данные и информация, зарегистрированная при обработке, сохраняются в течение 6 месяцев с момента начала обработки. Затем эти данные уничтожаются. Примечательно, что любая операция по обработке данных, включая идентификацию пользователя, дату и характер вмешательства в автоматизированную обработку, регистрируется. Эти записи сохраняются в течение года.

Французский опыт применения цифровых технологий во время пандемии вряд ли можно назвать передовым с технологической точки зрения. Но с общественно-политической и юридической точки зрения он заслуживает внимания. Характерные черты французского подхода — широкие общественные дискуссии, постоянный судебный контроль за действиями исполнительной власти. Гражданское общество в значительной степени вовлечено в разработку, проведение и оценку мер противодействия пандемии. **□**

⁹ Arrêté du 21 avril 2020 complétant l'arrêté du 23 mars 2020 prescrivant les mesures d'organisation et de fonctionnement du système de santé nécessaires pour faire face à l'épidémie de covid-19 dans le cadre de l'état d'urgence sanitaire. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

¹⁰ Arrêté du 22 avril 2020 portant création d'un traitement automatisé de données à caractère personnel afin de permettre aux personnes habituellement domiciliées en outre-mer, confinées et isolées dans l'Hexagone, de disposer d'un réseau d'entraide et de solidarité pendant l'épidémie de covid-19. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

дистанционное наблюдение
биологические исследования
персональные данные

Чрезвычайные меры и судебная практика Чешской Республики в период пандемии*

Петр Рудловчак

Адвокатское бюро «Шафра и партнеры»
(*Šafra & partneři s.r.o.*),
адвокат
г. Прага, Чешская Республика

Аннотация. В связи с продолжающейся пандемией COVID-19 мы хотели бы показать российской – причем не только профессиональной – общественности, каким образом чешская судебная практика разрешала вопросы, вызванные ограничениями прав и свобод, введенными исполнительной властью в этот кризисный период. В частности, мы рассмотрим отдельные нормы законодательства Чешской Республики и опишем процедуры, реализованные властями во избежание распространения инфекции.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, чрезвычайное положение, права человека, кризисные ограничения, судебная практика

Emergency measures and case-law of the Czech Republic during the pandemic

Petr Rudlovčák, Šafra & partneři s.r.o., Lawyer, Prague, Czech Republic

Annotation. Due to the ongoing COVID-19 pandemic we would like to demonstrate to the Russian – not only professional – public how the Czech case-law has solved the problems resulting from the limitations of the rights and freedoms in this period of crisis. In particular, we examine certain rules of the legislation of the Czech Republic and describe the procedures adopted by the authorities to avoid the spread of the infection.

Keywords: COVID-19, pandemic, state of emergency, human rights, crisis limitations, case-law

* Автор выражает благодарность своему коллеге Дмитрию Красовскому за помощь в переводе и подготовке статьи.

12 марта 2020 г. правительство Чешской Республики объявило на территории всего государства чрезвычайное положение. Это решение стало беспрецедентным, поскольку в современной истории страны чрезвычайное положение таких масштабов никогда еще не вводилось. Возникавшие ранее чрезвычайные ситуации, такие как наводнения или сильные штормы, приводили к принятию не более чем территориально ограниченных мер. Теперь же основные права и свободы всех без исключения лиц во всем государстве были ограничены в неизвестных доселе масштабах – во избежание распространения опасного вирусного заболевания.

В правовой системе Чешской Республики можно найти ряд законов, регулирующих чрезвычайные ситуации. Прежде всего, это Конституционный закон о безопасности Чешской Республики 1998 года¹ (далее – Конституционный закон о безопасности), в пункте 1 ст. 5 которого говорится: «Правительство может объявить чрезвычайное положение в случае стихийных бедствий, экологических или промышленных аварий, инцидентов или других опасностей, которые создают серьезную угрозу жизни, здоровью или имуществу или внутреннему порядку и территориальной целостности Чешской Республики». И хотя этот документ прямо не упоминает возможность объявления чрезвычайного положения в связи с пандемией, совершенно очевидно, что такая ситуация подпадает именно под процитированную норму, говорящую в том числе о жизни и здоровье. На этом основании правительство Чешской Республики и объявило чрезвычайное положение.

Помимо этого, Конституционный закон о безопасности предусматривает, что основные права и свободы, гарантированные Хартией основных

прав и свобод² (далее – Хартия), могут быть ограничены исключительно на основании специального закона. Таковым является Закон о кризисном управлении³ (далее – Кризисный закон), содержащий базовое антикризисное регулирование, к которому можно обратиться при возникновении неминуемой угрозы жизни и здоровью людей. Кризисный закон точно определяет, какие основные права и свободы могут быть ограничены в соответствии с Хартией, а также содержит важные положения о возмещении ущерба. В частности, в его статье 36 прямо говорится, что государство обязано компенсировать ущерб, при-

Государство обязано компенсировать ущерб, причиненный физическим и юридическим лицам принятыми мерами в соответствии с Кризисным законом

чиненный физическим и юридическим лицам принятыми мерами в соответствии с этим Законом. Государство освобождается от ответственности только в том случае, если будет доказано, что ущерб повлекли действия самого потерпевшего.

Наряду с Кризисным законом и Конституционным законом о безопасности, уполномочивающими правительство вводить кризисные меры для защиты жизни и здоровья людей, в ситуациях, представляющих опасность для жизни и здоровья, применяется Закон об охра-

¹ Конституционный закон от 22 апреля 1998 г. № 110/1998 Sb «О безопасности Чешской Республики». Текст документа на английском языке см.: https://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/Zakon_o_bezpecnosti_English_version_110_1998.pdf

² Утверждена резолюцией президиума Чешского национального совета (ныне – Палата депутатов Парламента Чешской Республики) от 16 декабря 1992 г. как часть конституционного порядка Чешской Республики. Текст документа на английском языке см.: https://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/Listina_English_version.pdf

³ Zákon o krizovém řízení a o změně některých zákonů № 240/2000. Текст документа на чешском языке см.: <https://www.epravo.cz/top/zakony/sbirka-zakonu/zakon-o-krizovem-řízení-a-o-změně-některých-zakonu-478.html>

не здоровья населения⁴. Согласно ему Министерство здравоохранения имеет право принимать чрезвычайные меры. В отличие от двух предыдущих документов этот Закон напрямую оперирует понятиями «инфекционное заболевание» и «эпидемия». В нем также указано, что Министерство здравоохранения может принимать меры, ограничивающие определенные основные права и свободы. Однако главное отличие Закона об охране здоровья населения от Кризисного закона состоит в том, что в нем прямо не предусматривается ответственность государства за ущерб, причиненный чрезвычайными мерами, принятыми Министерством здравоохранения.

Как упоминалось выше, 12 марта 2020 г. правительство Чешской Республики объявило на территории страны

Во избежание дезинтеграции демократической законности в кризисные времена правовое регулирование должно быть еще более строгим

чрезвычайное положение, после чего приняло ряд антикризисных мер, затронувших основные права и свободы граждан. Среди прочего были ограничены свобода передвижения и проживания, право на собрания, право частного предпринимательства. Все эти решения имели правовую основу. В настоящей статье мы не будем обсуждать, соответствуют ли данные меры Хартии и насколько они нарушают основные права и свободы граждан, однако отметим, что в профессиональных юридических кругах соразмерность некоторых из них оценивалась критически. Прежде всего, это относится к запрету на выезд из Чешской Республики граждан и оседлых иностранцев и запрету публичных собраний. Юридическое сообщество в целом задавалось вопросом:

необходимо ли ограничивать основные права и свободы до такой степени и соответствует ли их ограничение положениям Хартии? Звучали мнения о том, что ограничение основных прав и свобод должно уважать и не противоречить их сущности и значению. Тем не менее ни в одном судебном решении не было оспорено право государства в такой серьезной ситуации ограничивать права и свободы в той форме, в которой оно это делало. Например, в Конституционный суд было подано несколько конституционных жалоб о нарушении кризисными мерами основных прав и свобод, но суд во всех случаях заключил, что заявители не были активно легитимированы для подачи жалобы, и отказался рассматривать конституционные жалобы по существу. И хотя суд прокомментировал характер антикризисных мер правительства, он не стал комментировать их возможную неконституционность. Из этого можно сделать вывод, что кризисные меры не противоречили конституционному порядку Чешской Республики.

При этом важно отметить, что обсуждаемые выше меры были приняты правительством Чешской Республики на правовых основаниях и в соответствии с Кризисным законом. Впоследствии, однако, от этой практики было решено отказаться, и в дальнейшем на смену правительственным решениям пришли чрезвычайные меры, принимаемые Министерством здравоохранения в соответствии с Законом об охране здоровья населения. Этот новый подход оказался совершенно неожиданным для юридического сообщества. Правительство обосновало его тем, что, поскольку ситуация, связанная с продолжающейся пандемией, весьма динамична, Министерство здравоохранения как самый компетентный в данной области орган власти может реагировать на меняющиеся условия гораздо более гибко, чем чешское правительство в лице премьер-министра как главы исполнительной власти. Иными словами, правительство уполномочило Министерство здравоохранения вводить своими административными правовыми актами — указами чрезвычайные ограничительные меры.

Здесь потребуются сделать небольшое отступление и описать судебную

⁴ Zákon ze dne 14. července 2000 o ochraně veřejného zdraví a o změně některých souvisejících zákonů № 258/2000. Текст документа на чешском языке см.: <https://www.epravo.cz/top/zakony/sbirka-zakonu/zakon-ze-dne-14-cervence-2000-o-ochrane-verejného-zdravi-a-o-zmene-nekterých-souvisejících-zakonu-1405.html?mail>

систему Чехии. Конституционный суд не входит в общую структуру судов, а является самостоятельным институтом, уполномоченным рассматривать дела, связанные исключительно с совместимостью тех или иных документов с конституционным порядком, в который входит Конституция, Хартия и конституционные законы, или с соблюдением прав человека в судебном производстве. Сама судебная система Чехии делится на гражданские, уголовные и административные суды. При этом административные суды имеют право рассматривать законность актов исполнительной власти, таких как решения и указы министерств, постановления, принятые органами государственного или муниципального управления.

12 апреля 2020 г. команда адвокатов подала в Городской суд Праги как полномочный административный суд иск об оспаривании принятых Министерством здравоохранения чрезвычайных ограничительных мер. Адвокаты в первую очередь оспаривали возможность вводить кризисные ограничения, оказывающие прямое влияние на права человека, в форме подзаконных актов министерства, изданных не на основе Конституционного закона о безопасности и Кризисного закона, и требовали признать эти меры недействительными и необязательными к исполнению. Министерство строило свою защиту на том, что его полномочия основывались на специальной причастности к решению вопросов охраны здоровья населения.

23 апреля Городской суд Праги вынес решение об отмене чрезвычайных мер Министерства здравоохранения, ограничивших розничную продажу, а также свободу передвижения лиц.

Административный суд сначала исследовал правовые рамки действия Кризисного закона во время чрезвычайных ситуаций и вопросы защиты основных прав и свобод человека в таких ситуациях. Мотивируя свое решение, он заявил, что во избежание дезинтеграции демократической законности в кризисные времена правовое регулирование должно быть еще более строгим. Только в таком случае, по мнению суда, можно говорить о конституционно допустимом вмешательстве в основные права и свободы человека.

Прежде чем дать оценку экстренным мерам, принятым Министерством здравоохранения во время чрезвычайного положения, суд рассмотрел следующие вопросы:

1) обладает ли министерство как административный орган достаточными полномочиями для принятия мер общего характера?

2) действовал ли административный орган в пределах, определенных законом?

Отвечая на первый вопрос, суд исследовал, имеет ли Министерство здравоохранения вообще право принимать меры общего характера, подобные оспариваемым. Суд исходил из того, что если министерство в принципе не имеет законных полномочий принимать такие меры, то их следует объявить недействительными. Полномочия Министерства здравоохранения вытекают из Закона об охране здоровья населения, в соответствии с которым министерство имеет право принимать чрезвычайные меры общего характера в случае эпидемии и риска ее возникновения. По этой при-

Во время чрезвычайных ситуаций основную ответственность за ограничение фундаментальных прав и свобод несет правительство, и Кризисный закон не позволяет делегировать эти полномочия кому-либо еще

чине суд ответил на первый вопрос утвердительно: да, Министерство здравоохранения имело законные полномочия принимать такие меры, а значит, оспариваемые акты не могут быть признаны недействительными на этом основании.

Однако на второй вопрос — о том, действовал ли административный орган в пределах, определенных законом, — ответ суда был отрицательным. Проанализировав правовое регулирование на момент объявления чрезвычайного положения, суд заключил, что во время чрезвычайных ситуаций основную ответственность за ограничение фундаментальных прав и свобод несет правительство, и Кризисный закон не позволяет делегировать эти полномочия кому-либо

еще. С объявлением чрезвычайного положения правовой режим страны был переведен на особую форму. В этом смысле Кризисный закон действует по отношению к Закону об охране общественного здоровья как специальный закон, т.е. в случае коллизий применяется принцип «специальный закон вытесняет закон общий» (*lex specialis derogat legi generali*). Суд пришел к выводу, что поскольку

Необходимо строго соблюдать принцип законности, поскольку он определяет пределы и гарантии уважения основных прав и свобод человека, в которых исполнительная власть может действовать

Конституционный закон о безопасности говорит, что, когда объявлено чрезвычайное положение, ограничить основные права и свободы может лишь правительство, то также принимать решения об отдельных мерах, ограничивающих такие права и свободы, должно исключительно правительство. Суд заявил, что это отличает чрезвычайное положение от обыденного правового состояния и что такое различие предполагает наличие у властей, которые вводят чрезвычайные меры, исключительной на то компетенции. Суд оценил непринятие антикризисной меры правительством в соответствии с Кризисным законом и в то же время введение ее Министерством здравоохранения в соответствии с Законом об охране здоровья населения как нарушение конституционных гарантий разделения власти, поскольку правительство находится под прямым контролем Палаты депутатов как нижней палаты парламента Чешской Республики. В итоге суд постановил, что оспариваемые чрезвычайные меры Министерства здравоохранения нарушают основные права и свободы и что само Министерство не имело достаточных полномочий для их принятия, таким образом действуя вне закона (*ultra vires*). Следовательно, эти меры были незаконными и подлежали отмене.

После того как чрезвычайные меры, принятые Министерством здравоохранения, были признаны судом незакон-

ными, правительство Чешской Республики было вынуждено самостоятельно принять антикризисные меры, по своему содержанию полностью идентичные чрезвычайным мерам министерства. Таким образом, ситуация была исправлена и приведена в соответствие с законодательством Чешской Республики.

Возникает вопрос: что же побудило правительство Чешской Республики не действовать в соответствии с Кризисным законом и передать соответствующие полномочия на уровень министерства? Довод о том, что министерство может более гибко реагировать на динамично меняющуюся ситуацию, едва ли выдерживает критику или может быть в какой-либо мере юридически оправдан. Профессиональное сообщество склонно полагать, что правительство Чешской Республики избрало такой подход потому, что Кризисный закон ясно обязывает государство компенсировать ущерб, причиненный кризисными мерами, в то время как Закон об охране здоровья населения такого обязательства напрямую не предусматривает. И хотя звучат мнения, что отсутствие прямого дозволения не исключает возможности затребовать компенсацию в соответствии с Кризисным законом, оно как минимум усложняет положение истцов, не позволяя им сразу сослаться на положение закона о выплате компенсации.

Надо напомнить также о том, что при объявлении чрезвычайного положения исполнительная власть получает больше полномочий за счет законодательной власти. С учетом этого суд справедливо указал на необходимость строго соблюдать принцип законности, поскольку он определяет пределы и гарантии уважения основных прав и свобод человека, в которых исполнительная власть может действовать.

В заключение отметим, что Министерство здравоохранения подало кассационный иск на принятое Городским судом Праги решение в Высший административный суд Чешской Республики. Однако, по нашему мнению, решение нижестоящего суда достаточно мотивированно и аргументы, использованные в нем, верны. Пока нет никаких указаний на то, что Высший административный суд займет иную позицию, чем суд первой инстанции.

Незаконное возмещение налога на добавленную стоимость: вопросы уголовно-правовой квалификации

Сергей Владимирович Трохов

управление процессуального контроля
за расследованием отдельных видов преступлений
Следственного комитета Российской Федерации,
руководитель отдела процессуального контроля
за расследованием налоговых преступлений
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из наиболее опасных посягательств, совершаемых в сфере налогообложения, – незаконного возмещения из бюджета налога на добавленную стоимость. На основе анализа имеющихся в юридической литературе подходов к уголовно-правовой оценке данного преступного поведения, а также норм уголовного, налогового и гражданского законодательства автор предлагает обоснование квалификации рассматриваемого преступления как мошенничества, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество, незаконное возмещение налога на добавленную стоимость, уклонение от уплаты налогов

Illegal reimbursement of the value-added tax : issues of criminal-law qualification

Sergey Vladimirovich Trokhov, Department of Procedural Control over Investigation of certain types of crimes at the Investigation Committee of the Russian Federation, Head of the Unit of Procedural Control over Investigation of Tax Crimes, Moscow, Russia

Annotation. The article studies one of the most dangerous infringements in the area of taxation - illegal reimbursement of the value-added tax from the budget. On the basis of the analysis of the approaches developed in the doctrine to criminal-law assessment of such criminal conduct, as well as of the rules of the criminal, tax and civil legislation the author suggests the grounds for qualifying the impugned offence as a fraud, punishable under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: fraud, illegal reimbursement of the value-added tax, tax evasion

Среди всего спектра преступлений, совершаемых в сфере налогообложения, отдельное место занимают посягательства, связанные с незаконным возмещением из бюджета налога на добавленную стоимость (далее – НДС).

Как справедливо отмечается отдельными авторами¹, наряду с другими посягательствами в налоговой сфере деятельность, связанная с использованием налоговой системы для изъятия денежных средств из бюджета под видом возмещения налога, является еще более опасной по своим последствиям, поскольку в данном случае не только установлены налоговые платежи не поступают в бюджетную систему, но и государственный бюджет становится источником хищения денежных средств.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2017 году было зарегистрировано 652 преступления, связанных с незаконным возмещением НДС, в 2018 – 569, в 2019 году – 483. Сумма причиненного этими преступлениями ущерба в 2017 году составила 1,8 млрд руб., в 2018 – 2,4 млрд руб., а в 2019 году – уже 3,2 млрд руб. Как видно из приведенных статистических данных, уровень рассматриваемой преступности является весьма высоким, а причиняемый ущерб – существенным.

В правоприменительной практике (как следственной, так и судебной) на протяжении многих лет нерешенной остается проблема уголовно-правовой квалификации указанного преступления. При этом актуальность данному вопросу придает не столько поиск его научного решения, сколько проблема ущемленности прав и интересов граждан, в первую очередь осуществляющих предпринимательскую деятельность, в результате уголовно-правовых и процессуальных последствий, характер и виды которых зависят от уголовно-правовой оценки преступного посягательства.

В качестве альтернатив юридической квалификации незаконного возмещения НДС предстают два состава

преступления – уклонение от уплаты налогов², квалифицируемое по статьям 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (далее – УК РФ), и мошенничество, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 159 УК РФ.

Санкции вышеуказанных статей существенно отличаются друг от друга. Так, максимальный размер наказания, предусмотренный статьями 198 и 199 УК РФ, составляет три года и шесть лет лишения свободы соответственно, а статьей 159 УК РФ – десять лет. Данное обстоятельство, как известно, влияет на категорию преступления и срок давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 15 и 78 УК РФ). Пороговые суммы уклонения от уплаты налогов и мошенничества, с которых наступает уголовная ответственность, также заметно разнятся. Применительно к уклонению от уплаты налогов с физического лица криминообразующей признается сумма, превышающая 2,7 млн руб., к уклонению от уплаты налогов с организации – 15 млн руб., а к мошенничеству – всего 2,5 тыс. руб. В вопросе применения меры пресечения тоже имеется немаловажная особенность. В отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, предусмотренных статьями 198, 199 УК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения применено быть не может в силу прямого запрета закона (ч. 1¹ ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴). В отношении же лиц, чьи действия квалифицированы по статье 159 УК РФ, этот запрет действует лишь в случае совершения ими преступления в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Однако ввиду отсутствия в правоприменительной практике единообразного трактования преступления как совершенного в связи с осуществлением предпринимательской деятельности риски быть подвергнутому заключе-

¹ См., например: *Евдокимов С.Г.* Налог на добавленную стоимость. Механизм преступления и его выявление: учеб. пособие. СПб., 2003.

² Под термином «налоги» здесь и далее понимаются налоги, сборы и страховые взносы, администрируемые Федеральной налоговой службой.

³ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

нию под стражу по подозрению (обвинению) в мошенничестве, связанному с необоснованным возмещением из бюджета НДС, бесспорно, высоки.

Таким образом, совершенно очевидно, что квалификация незаконного возмещения НДС по статье 159 УК РФ влечет куда более серьезные по тяжести последствия для лица, чем оценка тех же действий по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за уклонение от уплаты налогов.

В доктрине уголовного права, как и в правоприменительной практике, нет единства взглядов относительно квалификации рассматриваемого преступно-го посягательства.

В юридической литературе на этот счет можно встретить три позиции.

Первая из них, наиболее распространенная, исходит из необходимости выбора квалификации в зависимости от направленности умысла лица и целей, им преследуемых⁵. По мнению сторонников этой позиции, налогоплательщики, осуществляя незаконные операции с использованием механизма возмещения НДС, могут преследовать две цели: изъять налог из бюджета, обратив поступившие суммы денежных средств в свою пользу и распорядившись ими по своему усмотрению, либо избежать уплаты предстоящих налоговых платежей или ранее возникшей задолженности по налогам, пеням и (или) штрафам путем возмещения НДС в форме зачета. Следовательно, как отмечают данные исследователи, если умысел лица был направлен на получение из бюджета денежных средств и завладение ими, то содеянное надлежит квалифицировать как хищение по статье 159 УК РФ. Если же умысел злоумышленника был направлен на по-

лучение возмещения путем его зачета в счет предстоящих к уплате налогов либо погашения имеющейся недоимки по налогам, а также задолженности по пеням или штрафам, то его действия следует расценивать как уклонение от уплаты налогов.

Поскольку возврат налога осуществляется посредством направления соответствующих денежных сумм на расчетный счет налогоплательщика, происходит реальное уменьшение государственного имущества, что характерно для хищения⁶. Принятие же решения о возмещении НДС в форме зачета влечет за собой неуплату налогов (если зачет производится в счет предстоящих налоговых платежей) либо непорочение денежных средств в счет уплаты задолженности по налогам, пеням или штрафам (если зачет осуществляется в счет погашения такой задолженности), т.е. непоступление в федеральный бюджет соответствующих сумм налогов, что характерно для уклонения от уплаты налогов⁷.

Вторая позиция склоняется к оценке незаконного возмещения НДС как уклонения от уплаты налогов независимо от его формы (возврата или зачета)⁸. Как полагают приверженцы данного подхода, неважно, произведено ли возме-

⁵ В соответствии с примечанием 1 к статье 158 УК РФ под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

⁷ В соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (Российская газета. 6 декабря 2019 г.) общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, т.е. умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации.

⁸ См., например: *Розовская Т.И., Шайхетдинов Р.Ф.* Незаконное возмещение НДС – налоговое преступление // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2015. № 3. С. 93–98; *Васильева Е.Г., Петухов Е.В.* Уголовно-правовые аспекты незаконного возмещения НДС в результате получения необоснованной налоговой выгоды // *Налоги.* 2019. № 3. С. 27–31.

⁵ См., например: *Евдокимов С.Г.* Указ. соч.; *Росса А.А.* Незаконное возмещение НДС как хищение бюджетных средств // *Таможенное дело.* 2007. № 1. С. 5–7; *Милякина Е.В.* Проблемы квалификации незаконного возмещения НДС из бюджета как налогового преступления // *Налоги.* 2007. № 2. С. 41–44; *Березин И.Г., Розовская Т.И., Стаценко В.Г.* Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением НДС: учеб.-практ. пособие. М., 2011. С. 28; *Стенькин А.И.* Мошенничество или налоговое преступление – обзор судебной практики. URL: <https://advotax.ru/print:page,1649-moshennichestvo.html>

расчетный счет
выбор квалификации
уклонение от уплаты

щение НДС в форме его возврата или зачета, — квалификация подобного преступного деяния должна осуществляться по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за уклонение от уплаты налогов. Например, Т.И. Розовская и Р.Ф. Шайхетдинов, обосновывая приведенную точку зрения, исходят из того, что статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за налоговые преступления и мошенничество, находятся в разных главах Кодекса (ст. 159 — в главе 21 «Преступления против собственности», ст. 198, 199 — в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»), а потому по своему предназначению нацелены на защиту отличных друг от друга объектов⁹. Следовательно, квалификация незаконного возмещения НДС как совершаемого в сфере налогообложения по статьям УК РФ, охраняющим отношения собственности, является не-

Если сумма налоговых вычетов превышает размер исчисленного НДС, то полученная разница подлежит возмещению налогоплательщику

верной. По мнению авторов, общественно опасные деяния, направленные на незаконное возмещение НДС, в отличие от мошенничества, посягают не на отношения собственности, а на отношения в сфере экономической безопасности (экономической деятельности) страны.

Е.Г. Васильева и Е.В. Петухов в качестве аргументации квалификации незаконного возмещения НДС (независимо от его формы) как уклонения от уплаты налогов ссылаются на концепцию налоговой выгоды, под которой в соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»¹⁰ наряду с уменьшением размера налоговой обязанности вследствие уменьшения

налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки понимается также и получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета¹¹. По утверждению авторов, в результате возмещения НДС, как и неуплаты налогов, возникает налоговая недоимка, наличие которой и является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности по статьям 198 и 199 УК РФ. Подтверждением этого подхода, по их мнению, служат также положения пункта 8 ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации¹² (далее — НК РФ), предписывающие налоговым органам в случае обнаружения в ходе налоговой проверки суммы налога, излишне возмещенной на основании решения налогового органа, признавать указанную сумму недоимкой по налогу.

Наименее распространенный в научной среде третий подход исходит из понимания незаконного возмещения НДС в любой его форме как хищения чужого имущества, совершенного путем обмана, т.е. преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ. Сторонники данной позиции утверждают, что с момента принятия налоговым органом решения о возмещении НДС налогоплательщик имеет реальную возможность распорядиться денежными средствами по своему усмотрению — зачесть их в счет уплаты предстоящих платежей или недоимки либо возратить на свой расчетный счет. Иными словами, возврат или зачет НДС, по мнению этих исследователей, является формой распоряжения похищенными у государства денежными средствами с момента принятия налоговым органом решения о возмещении налога.

Несмотря на привлекательность приведенных подходов и заслуживающих внимания аргументов, представляется возможным изложить следующий взгляд на рассматриваемую проблему.

¹¹ См.: Васильева Е.Г., Петухов Е.В. Указ. соч.

¹² СЗ РФ, 1998, № 31, Ст. 3824.

¹³ См., например: Белов Е.В., Харламова А.А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М., 2016.

⁹ См.: Розовская Т.И., Шайхетдинов Р.Ф. Указ. соч.

¹⁰ Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

В соответствии с требованиями статей 171, 173 НК РФ налогоплательщики при исчислении НДС имеют право снизить его размер на сумму налоговых вычетов, в качестве которых выступают суммы НДС, предъявленные налогоплательщику при приобретении им товаров, работ или услуг у других налогоплательщиков-продавцов. Если сумма налоговых вычетов превышает размер исчисленного НДС, то полученная разница подлежит возмещению налогоплательщику.

Порядок возмещения НДС, регламентированный статьей 176 НК РФ, предусматривает проведение налоговым органом проверки обоснованности и правомерности заявленных к возмещению из бюджета сумм НДС в представленной налогоплательщиком налоговой декларации. Лишь после проведения такой проверки и в случае подтверждения оснований к возмещению НДС налоговый орган принимает положительное решение. Однако если в ходе налоговой проверки будет выявлена недостоверность представленных налогоплательщиком документов, имитирующих проведение им хозяйственных операций и служащих основанием для возмещения НДС (например, отсутствие хозяйственных операций, завышение цен в договорах на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг), налоговый орган вынужден отказать в возмещении НДС полностью или в части, приняв об этом соответствующее решение. При этом если у налогоплательщика имеется недоимка по налогам, задолженность по пеням или штрафам, то налоговый орган независимо от волеизъявления налогоплательщика принимает решение о зачете заявленных к возмещению из бюджета сумм НДС в счет погашения таких недоимки, задолженности по пеням или штрафам. В случае отсутствия задолженности налоговый орган на основании заявления налогоплательщика одновременно с решением о возмещении сумм НДС принимает одно из следующих решений: о зачете возмещаемых сумм НДС в счет уплаты предстоящих налоговых платежей либо о возврате подлежащих возмещению сумм НДС на указанный налогоплательщиком банковский счет. Таким образом, выбор формы возмещения налога зависит исключительно от волеизъявления налогоплательщика, от-

раженного в поданном им в налоговый орган заявлении.

Если налогоплательщик до дня вынесения налоговым органом решения о возмещении сумм НДС не представит заявление о ее возврате на указанный им банковский счет либо зачете в счет уплаты предстоящих налоговых платежей, то данная сумма налога признается излишне уплаченной налогоплательщиком в бюджет. При этом возврат или зачет излишне уплаченных сумм налога производится по тем же принципам, что и возмещение НДС, т.е. на основании заявления налогоплательщика налоговым органом принимается отдельное решение (о возврате или зачете излишне уплаченного налога в счет предстоящих налоговых платежей) (ст. 78 НК РФ).

Итак, как видно из приведенного механизма возмещения НДС, ключевым в этой операции является решение налогового органа, без которого она состояться не может. Само же возмещение налога по своей правовой природе заключается в переходе прав на бюджетные денежные средства от государства налогоплательщику. Значит, решение налогового органа о возмещении сумм НДС в данном случае выступает в качестве правоустанавливающего, причем закрепляющего право собственности налогоплательщика на возмещаемые денежные средства. Такой вывод следует из того, что государство в лице налоговых органов, принимая решение о возмещении НДС, с этого момента полностью теряет правомочие по распоряжению возмещаемыми денежными сред-

ствами и расценивает их уже как чужие, ему (государству) не принадлежащие.

Изложенное полностью относится и к случаю зачета сумм НДС в счет погашения задолженности налогоплательщика по налогам, пеням или штрафам. Производя данную операцию с денежными средствами, в отношении которых уже принято решение об их возмещении налогоплательщику, государство, как и в предыдущих случаях, расценивает эти средства как принадлежащие иному лицу (налогоплательщику). Учитывая, что отношения между налогоплательщиками и налоговыми органами носят властно-подчиненный характер, основанный на конституционной обязанности каждого платить

обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, можно заметить, что данное преступление может быть совершено в двух формах – хищения, т.е. изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц (примечание 1 к ст. 158 УК РФ), либо приобретения права на чужое имущество. В отличие от хищения, приобретение права на чужое имущество не предполагает непосредственного завладения им, а заключается лишь в приобретении права на него без физического изъятия и обращения в пользу виновного.

В этом смысле Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 6 Постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» справедливо отметил: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамент) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения)¹⁴. Применительно к операции возмещения НДС правоустанавливающим решением как раз и является решение налогового органа о возмещении НДС либо решение о возврате или зачете сумм НДС, признанных в установленном налоговом законодательством случаях в качестве сумм излишне уплаченного налога. Именно с момента принятия этого решения налогоплательщик приобретает права на денежные средства, находящиеся в государственном бюджете, а государство их (права) управляет. Решением нало-

Выбор формы возмещения налога зависит исключительно от волеизъявления налогоплательщика, отраженного в поданном им в налоговый орган заявлении

законно установленные налоги, на что уже неоднократно обращал внимание в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации¹⁴, автоматический (независимый от волеизъявления налогоплательщика) зачет возмещаемого НДС в счет имеющейся налоговой задолженности не свидетельствует об отсутствии у налогоплательщика правомочия распоряжения денежными средствами, возмещенными в качестве НДС и зачтенными в счет исполнения ранее не исполненной им обязанности по уплате налога либо погашению задолженности по пеням или штрафам.

В соответствии со статьей 159 УК РФ мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Российская газета. 26 декабря 1996 г.

¹⁵ Бюллетень ВС РФ 2018, № 2.

гового органа фактически закрепляется право налогоплательщика на возмещаемые денежные средства. Для государства с этого момента данные денежные средства становятся чужими.

Вопрос о том, что включается в содержание понятия «право на имущество», в доктрине уголовного права является дискуссионным¹⁶. Основным предметом полемики выступает то, является ли право на имущество только вещным правом в гражданско-правовом его значении (правом собственности, правом пожизненного наследуемого владения земельным участком, правом постоянного (бессрочного) пользования земельным участком или другим вещным правом, предусмотренным разделом 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁷) либо оно включает в себя, помимо этого, также права, вытекающие из обязательственных правоотношений, т.е. права требования. Можно согласиться с мнением тех авторов¹⁸, которые справедливо указывают, что было бы неверным считать, что статьи УК РФ об ответственности за хищение охраняют только отношения собственности. Иные отношения по поводу имущества, включая обязательственные, также защищаются посредством установления в статье 159 УК РФ запрета обманно приобретать право на имущество, в том числе право требования.

Таким образом, независимо от того, расценивать ли право налогоплательщика на возмещение НДС в качестве права собственности на возмещаемые денежные средства либо права требования этих средств, каждое из названных прав будет относиться к праву на имущество, обманное приобретение которого образует признаки состава преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ.

Как следует из вышеописанного порядка возмещения НДС, операции по его возврату либо зачету производятся в безналичной форме, т.е. в данном случае речь идет об обращении безналичных денежных средств. Однако в силу разъяснений, данных в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48, если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний

Ни операция по возврату налога, ни его зачет не могут быть выполнены без принятия налоговым органом решения, влекущего данные правовые последствия (правоустанавливающего решения)

к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

На этот счет нужно заметить, что в ситуации с возмещением налогоплательщику НДС имеется важная особенность. Ни операция по возврату налога, ни его зачет не могут быть выполнены без принятия налоговым органом решения, влекущего данные правовые последствия (правоустанавливающего решения). Соответственно, именно в таких правоотношениях предметом преступного посяательства является право на имущество, а не само имущество в виде возмещаемых из бюджета денежных средств под видом НДС. В противном случае за пределами уголовно-правовой охраны останутся такие формы возмещения НДС, как его зачет в счет предстоящих налоговых платежей либо погашения недоимки, задолженности по пеням или штрафам, факт причинения ущерба в результате которых для бюджетной системы является бесспорным и очевидным, а степень его общественной опасности — не меньшей, чем от ущерба, причиняемого в результате возмещения НДС в форме возврата денежных средств на банковский счет налогоплательщика.

¹⁶ См., например: Хилюта В.В. Право на имущество как предмет хищения в доктрине уголовного права и судебной практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 185–198.

¹⁷ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁸ Подробнее см.: Яни С.А., Яни П.С., Яни Д.П. Понимание права на имущество как предмета мошенничества в теории и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С. 12–16; Яни П.С. Вопросы квалификации мошенничества в отношении прав требования // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 42–46.

Субсидиарная ответственность при банкротстве: вопросы судебной практики

Петр Петрович Ланг

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд,
начальник отдела анализа, статистики и обеспечения
судопроизводства,
Самарский государственный экономический университет,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
г. Самара, Россия

Аннотация. В настоящей статье приведен анализ правоприменительной практики арбитражных судов по рассмотрению обособленных споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. Отдельный акцент сделан на особенностях рассмотрения вопроса о субсидиарной ответственности в свете изменяющегося законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, должник

Subsidiary responsibility in case of bankruptcy : case-law issues

Petr Petrovich Lang, 11th Commercial Appeal Court, Head of the Department of Analysis, Statistics and Judicial Proceedings Support, Samara State University of Economics, Associate Professor at the Department of Civil and Commercial Procedure, Candidate of Laws, Associate Professor, Samara, Russia

Annotation. The present article features an analysis of commercial courts' case-law on particular disputes related to engaging the subsidiary responsibility of the persons exercising control over the debtor in bankruptcy cases. Particular attention is paid to the issues of subsidiary responsibility in the light of the evolving legislation on insolvency (bankruptcy).

Keywords: insolvency, bankruptcy, subsidiary responsibility, persons exercising control over the debtor, debtor

В правовом регулировании банкротства закрепился институт субсидиарной ответственности, позволяющий взыскивать задолженность по неисполненным обязательствам несостоятельной организации с лиц, оказавших на должника определяющее влияние и фактически допустивших его банкротство.

Субсидиарная ответственность собственников и руководителей хозяйствующих субъектов становится обыденным явлением в правоприменительной практике арбитражных судов: практически в каждом деле о банкротстве арбитражные управляющие либо активные заинтересованные кредиторы (уполномоченный орган) инициируют попытки, нередко успешные, взыскать задолженность с контролирующих должника лиц.

При этом в качестве наиболее частых оснований привлечения к субсидиарной ответственности называются следующие:

- неисполнение нормативно закрепленной обязанности по подаче в суд заявления должника о банкротстве;
- непредставление либо искажение бухгалтерской документации должника;
- доведение должника до банкротства.

Отмеченные тенденции в первую очередь обусловлены развитием законодательства в сфере несостоятельности. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) регулярно корректируется в ответ на различные вызовы социально-экономического характера. Сказанное в полной мере относится и к положениям о субсидиарной ответственности, содержащимся в данном Законе.

Последовательная трансформация нормативных правил о субсидиарной ответственности при банкротстве в судебной практике неизбежно влечет многочисленные вопросы правоприменения. В настоящей работе представлен анализ актуальных правовых позиций, выработанных судебной практикой в последнее время и касающихся применения актуальной редакции Закона о банкротстве к тем или иным правоотно-

шениям в части основания привлечения к субсидиарной ответственности и применения срока давности.

Особенности действия нормативных положений о субсидиарной ответственности во времени

При решении вопроса о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности суду необходимо учитывать, в какой период имели место обстоятельства, обуславливающие субсидиарную либо иную гражданско-правовую ответственность.

Так, 29 июля 2017 г. был принят Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»² (далее – Закон № 266-ФЗ), вступивший в силу с 30 июля 2017 г. (со дня его официального опубликования), за исключением пунктов 6–12 ст. 1 и статьи 2, которые вступили в силу по истечении 90 дней после дня официального опубликования Закона.

Пункт 4 ст. 4 Закона № 266-ФЗ установил, что положения подпункта 1 п. 12 ст. 61¹¹, пунктов 3–6 ст. 61¹⁴, статей 61¹⁹ и 61²⁰ Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ применяются к заявлениям о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в случае, если определение о завершении или прекращении процедуры конкурсного производства в отношении таких должников либо определение о возврате заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом вынесены после 1 сентября 2017 года.

Как показывает анализ судебной практики, затруднение в правоприменении вызвало содержание пункта 3 ст. 4 Закона № 266-ФЗ, согласно которому рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 10 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ), производится по правилам Закона о банкротстве в редакции Зако-

¹ Российская газета. 2 ноября 2020 г.

² Российская газета. 4 августа 2017 г.

субсидиарная ответственность
контролирующее лицо
арбитражные управляющие

на № 266-ФЗ, если эти заявления поданы после 1 июля 2017 года³.

При этом если основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (например, дача должнику обязательных к исполнению указаний или одобрение сделки должника) возникли после вступления в силу Закона № 266-ФЗ, т.е. после 30 июля 2017 г., то *материально-правовые положения* Закона о банкротстве, регулирующие субсидиарную ответственность, следует применять в редакции Закона № 266-ФЗ. Если же указанные обстоятельства имели место ранее вступления в силу Закона № 266-ФЗ, то применению подлежат положения Закона о банкротстве в редакции, действовавшей до этого момента.

Однако *процессуальные нормы* Закона о банкротстве, устанавливающие порядок рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, применяются в редакции Закона № 266-ФЗ независимо от временного периода спорных правоотношений в том случае, если соответствующее заявление подано после 1 июля 2017 года.

В качестве иллюстрации рассмотрим несколько дел из практики Арбитражного суда Поволжского округа.

Так, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд отменил определение Арбитражного суда Самарской области, признав доказанным наличие оснований для привлечения ряда контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по денежным обязательствам должника в соответствии с пунктом 1 ст. 61¹² Закона о банкротстве за неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд.

Окружной суд, в свою очередь, указал, что обстоятельства, на которые ссылались кредиторы с целью привлечения ответчиков к субсидиарной ответственности, имели место до вступления в силу Закона № 266-ФЗ, в то время

как соответствующие заявления были направлены в суд после этой даты. Следовательно, при рассмотрении спора надлежало применить статью 10 Закона о банкротстве в ранее действовавшей редакции, а процессуальные нормы Закона о банкротстве – в редакции Закона № 266-ФЗ⁴.

В другом деле Арбитражный суд Поволжского округа⁵, частично отменяя акты нижестоящих судов, указал, что основания для применения судами первой и апелляционной инстанций положений статей 61¹⁰ и 61¹¹ Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ отсутствовали, поскольку обстоятельства, послужившие основанием для предъявления требований о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, имели место в период с 2013 по 2015 год, т.е. до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ.

В рамках третьего дела суд округа признал законным и обоснованным подход судов первой и апелляционной инстанций, которые, установив период спорных правоотношений, верно применили положения статьи 10 Закона о банкротстве в редакции, действующей в спорный период, и с учетом процессуальных особенностей, предусмотренных Законом № 266-ФЗ, признали доказанным наличие оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности с последующим приостановлением рассмотрения заявления конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности бывшего руководителя должника до окончания расчетов с кредиторами⁶.

Особенности исчисления и применения срока давности

Изменения положений Закона о банкротстве в части субсидиарной ответственности также влияют на исчис-

³ См.: постановления Арбитражного суда Московского округа от 12 августа 2020 г. № Ф05-12060/2020 по делу № А40-6179/2018; от 20 февраля 2020 г. № Ф05-4058/2016 по делу № А40-111917/2014; Арбитражного суда Центрального округа от 2 августа 2019 г. № Ф10-2935/2019 по делу № А09-3179/2017 // <https://kad.arbitr.ru/>

⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2019 г. № Ф06-55235/2019 по делу № А55-3824/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>

⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 3 июня 2019 г. № Ф06-4723/2015 по делу № А55-199/2015 // <https://kad.arbitr.ru/>

⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 марта 2018 г. № Ф06-30063/2018 по делу № А72-19672/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>

процессуальные нормы
привлечение ответчиков
срок давности

ление и применение срока исковой давности привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной и иной гражданско-правовой ответственности, поскольку положения, регулирующие вопрос о сроке исковой давности, относятся к нормам материального, а не процессуального права.

Например, до 30 июня 2013 г. в статье 10 Закона о банкротстве не содержалось указания на сроки давности обращения в суд, в связи с чем суды применяли общий срок исковой давности (ст. 195, 196, 200 Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГК РФ)).

30 июня 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»⁸ (далее – Закон № 134-ФЗ), которым в статье 10 Закона о банкротстве был введен пункт 5, установивший, в частности, что заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 4 этой же статьи, может быть подано в течение одного года со дня, когда подавшее заявление лицо узнало или должно было узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом.

Другими словами, данная норма Закона о банкротстве предусмотрела применение двух сроков исковой давности: однолетнего субъективного, исчисляемого по правилам, аналогичным пункту 1 ст. 200 ГК РФ, и трехлетнего объективного, исчисляемого со дня признания должника банкротом.

Схожее положение содержится также в пункте 5 ст. 61¹⁴ Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ, указывающем, что заявление о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным соответствующей главой Закона, может быть подано в течение трех лет со дня, когда лицо, имеющее право на подачу такого заявления, узнало или должно было узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня при-

знания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) и не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности.

В феврале 2019 года Арбитражный суд Самарской области, разрешая вопрос о субсидиарной ответственности, отказал в удовлетворении части требования в связи с пропуском срока исковой давности применительно к положениям пункта 5 ст. 61¹⁴ Закона о банкротстве, учитывая дату принятия решения о признании должника банкротом (22 февраля 2013 г.) и дату обращения конкурсного кредитора с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности (9 июня 2016 г.).

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд посчитал такой подход несостоятельным, исходя из того, что положения, регулирующие вопрос о сроке исковой давности, относятся к нормам не процессуального, а материального права. Суд указал, что в данном случае обстоятельства, входящие в предмет исследования, имели место в 2009–2012 гг., а потому статья 10 Закона о банкротстве должна применяться в редакции, не устанавливавшей сроки давности обращения в суд. Таким образом, суду следовало применить общий срок исковой давности в соответствии с положениями статей 195, 196, 200 ГК РФ.

Одновременно апелляционная инстанция констатировала, что при определении момента начала течения срока исковой давности по заявлению о привлечении собственника имущества должника к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства необходимо учитывать, что размер ответственности невозможно определить с разумной достоверностью до момента реализации имущества должника, а значит, такой срок может исчисляться не ранее даты завершения реализации имущества предприятия и окончательного формирования конкурсной массы⁹.

С учетом изложенного апелляционный суд учел пояснения представителя

⁹ См. также: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 219/12 по делу № А21-10191/2005 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.

⁷ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁸ Российская газета. 2 июля 2013 г.

имуществодолжника
разумнаядостоверность
контролирующеелицо

конкурсного управляющего о том, что реализация имущества должника закончилась в декабре 2015 года, соответственно, трехгодичный срок давности следовало исчислять с указанной даты. В результате срок на обращение в суд пропущен не был, так как само заявление о субсидиарной ответственности поступило в суд в 2016 году.

Судом округа позиция апелляционной инстанции признана обоснованной¹⁰.

Объективный трехгодичный срок исковой давности, установленный пунктом 5 ст. 10 Закона о банкротстве в редакции Закона № 134-ФЗ, может применяться только при наличии препятствий (объективной невозможности) для обращения с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности в течение годового субъективного срока исковой давности. На это, в частности, указала Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 6 августа 2018 г. № 308-ЭС17-6757 (2, 3)¹¹.

Арбитражный суд Пензенской области частично удовлетворил заявление конкурсного управляющего о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, отклонив довод бывшего руководителя должника о пропуске заявителем срока исковой давности.

Апелляционным судом указанное определение оставлено без изменения.

Кассационная инстанция доводы нижестоящих судов в указанной части не поддержала, сославшись на указанную выше правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации. Поскольку судами не установлено факта наличия препятствий для обращения с заявлением о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в течение годового субъективного срока исковой давности, применение объективного трехлетнего срока исковой давности не является оправданным¹².

При этом следует учитывать, что заявление о пропуске срока исковой давности одним контролирующим должника лицом (соответчиком) не является основанием для освобождения от субсидиарной ответственности иных контролирующих лиц (соответчиков), не заявляющих о применении исковой давности.

Так, Арбитражный суд Поволжского округа не согласился с позицией нижестоящих судов, отказавших в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника двух контролирующих лиц — Павлова П.В. и Пузакова К.В. — на основании применения судом исковой давности по заявлению только Павлова П.В.

Суд округа¹³ сослался на разъяснения, содержащиеся в абзаце втором п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»¹⁴, в соответствии с которыми заявление о применении исковой давности, сделанное одним из соответчиков, не распространяется на других соответчиков.

В заключение хотелось бы отметить, что своевременное восприятие судебными инстанциями законодательных новелл позитивно влияет как на экономические отношения в целом, так и на эффективность защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в процедуре банкротства несостоятельного должника. Возникающие трудности в правоприменении обусловлены объективными причинами и связаны в первую очередь со спецификой и неоднозначностью банкротных правоотношений. Однако в целом следует констатировать, что институт субсидиарной ответственности при банкротстве юридического лица зарекомендовал себя с положительной стороны в отечественном правопорядке и объективно способствует укреплению законности в предпринимательской деятельности. □

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 февраля 2020 г. № Ф06-11731/2010 по делу № А55-6716/2010 // <https://kad.arbitr.ru/>

¹¹ По делу № А22-941/2006 // <https://kad.arbitr.ru/>

¹² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27 ноября 2019 г. № Ф06-50936/2019 по делу № А49-1055/2016 // <https://kad.arbitr.ru/>

¹³ См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 июня 2018 г. № Ф06-7084/2016 по делу № А65-1147/2014 // <https://kad.arbitr.ru/>

¹⁴ Бюллетень ВС РФ. 2015. № 12.

Жюри конкурса «Профессионально о главном» подвело итоги, определив имена победителей и призеров. Мы благодарим всех принявших участие в этом профессиональном соревновании. В адрес участников конкурса будут направлены дипломы победителей, призеров, благодарственные письма. С работами победителей можно ознакомиться прямо сейчас, а материалы призеров будут размещаться на сайте журнала «Судья» в разделе «Конкурс». Редакция журнала планирует сделать конкурс ежегодным, поэтому ждем ваших предложений – каким вы хотите его видеть в 2021 году.

Оценка деятельности судов Иркутской области по взаимодействию со СМИ

**Анастасия Александровна Клинова,
Юлия Ивановна Фионова**
Иркутский областной суд, пресс-служба

Описание исследования

В 2020 году методом анонимного анкетирования был проведен опрос среди журналистского сообщества Иркутской области.

Исследование проходило в целях оценки открытости судебной системы региона, выявления проблем во взаимодействии судов со средствами массовой информации (СМИ) и поиска путей их решения для качественного улучшения сотрудничества и, как следствие, укрепления доверия граждан к правосудию.

Созданием и обработкой анкет занимались руководство и пресс-служба Иркутского областного суда. В опросе приняли участие 33 респондента.

Несмотря на небольшое количество опрошенных, данное исследование показательно для нашего региона, поскольку оно отражает, как менялось отношение журналистов к судебной системе за последние несколько лет, и позволяет оценить качество взаимодействия судов Приангарья со СМИ.

Портрет регионального журналиста

На сегодняшний день в Иркутской области зарегистрировано 387 СМИ. Несмотря на компьютеризацию и высокий уровень информатизации, в регионе преобладают периодические печатные издания (207). В основном это районные газеты, которые востребованы у местного населения. Практически на одном уровне существуют ТВ- и радиоканалы, а также сетевые издания (56, 54 и 49 соответственно) (рис. 1).

Какое СМИ представляете?

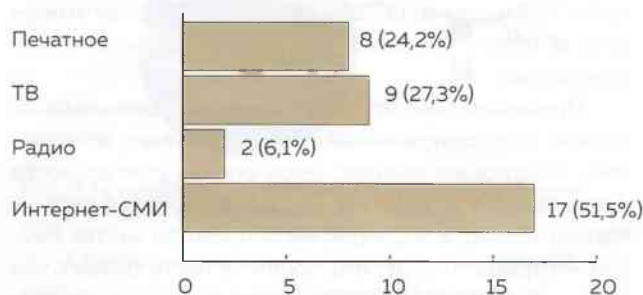

Рис. 1. Распределение СМИ по категориям

По данным управления Роскомнадзора, медиарынок Приангарья в последние два-три года остается более или менее стабильным. Однако существует тенденция к увеличению количества сетевых и электронных изданий. Это и неудивительно, поскольку журналистика должна соответствовать запросам современного общества. Традиционная пресса уходит в Интернет.

Итак, кто он – иркутский журналист XXI века?

Типичный журналист Приангарья – это женщина в возрасте до 40 лет, с профессиональным стажем свыше 10 лет. На сегодняшний день сфера ее деятельности – интернет-СМИ.

Журналистика требует полной самоотдачи и практически не оставляет свободного времени, поэтому работу корреспондента достаточно сложно

совместить с семейными обязанностями, однако 75% наших респондентов состоят либо в браке, либо в отношениях. И даже находят время заботиться о домашних питомцах, среди которых больше всего кошек.

Чтобы стать успешным в профессии, по мнению опрошенных, необходимо обладать такими качествами, как коммуникабельность, настойчивость, целеустремленность, уравновешенность, трудолюбие и увлеченность. Причем увлечены они не только своей работой, но и другими направлениями. У большинства есть хобби и спортивные предпочтения: популярные ответы – чтение, рукоделие, кулинария, активный отдых, фитнес, лыжи. Респондентов вдохновляют и такие неординарные занятия, как верховая езда, парусный спорт, военная реконструкция и волонтерство.

Взаимодействие судов Иркутской области со СМИ: оценка журналистов

В анкету был включен круг вопросов, касающихся деятельности судебной системы региона, оценки взаимодействия судов и СМИ, предложений по улучшению работы.

Анализируя полученные данные, можно отметить, что большинство респондентов оценивают деятельность судов в целом либо положительно (42,4%), либо нейтрально (37%). Затрудняются ответить – 12%. И только 9% однозначно выразили негативное отношение.

Примечательно, что некоторым опрошенным было сложно дать однозначный ответ. Например, встречались следующие мнения: «Моя оценка деятельности судов зависит от региона. Так, в Иркутской области – положительно, а в центральной и южной частях России – отрицательно»; «На практике часто бывает, что решение законно, но несправедливо к конкретному человеку или ситуации».

54,5% респондентов констатировали, что суды работают лучше, чем 5–10 лет назад. 69,7% отметили, что суды стали более открыты и доступны для работы журналистов (рис. 2, 3).

На Ваш взгляд, суды более открыты и доступны для работы журналистов, чем 5–10 лет назад?

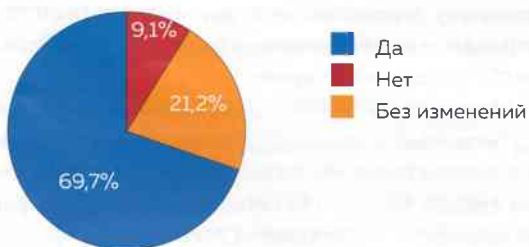

Рис. 2. Оценка доступности и открытости современных судов

Как Вы считаете, сегодня российские суды работают лучше или хуже, чем 5–10 лет назад?

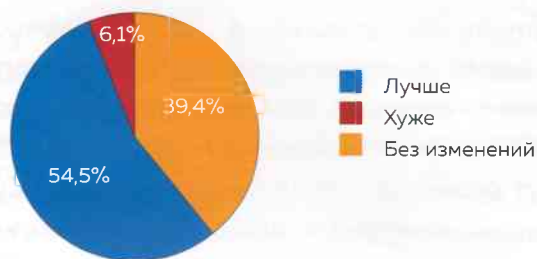

Рис. 3. Оценка работы современных судов

Большинство представителей СМИ (81,8%) знают свои права и обязанности при участии в судебных заседаниях, однако считают, что корреспондентам следует разъяснять процессуальные особенности рассмотрения уголовных, гражданских и административных дел (96,9%).

75,8% опрошенных хотят присутствовать на заседаниях при рассмотрении резонансных дел. 30,3% выразили желание получать полную информацию от пресс-служб судов, не посещая судебные процессы.

Региональным журналистам интересны следующие категории дел (рис. 4):

- уголовные (87,9%);
- гражданские (69,7%);
- административные (36,4%);
- арбитражные (27,3%).

Какая специфика судебных дел Вам интересна?

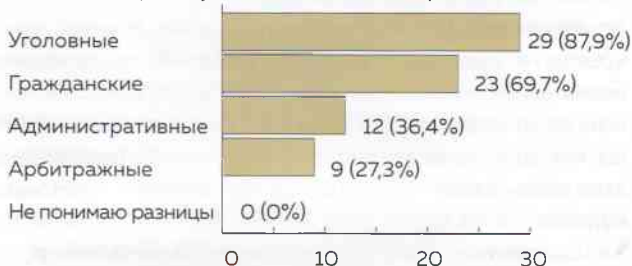

Рис. 4. Интерес СМИ к определенным категориям судебных дел

В работе местные СМИ активно используют различные инструменты поиска информации. О движении дел журналисты узнают в основном на официальных сайтах и от пресс-секретарей судов (рис. 5).

Откуда Вы узнаете информацию о том или ином деле и его движении?

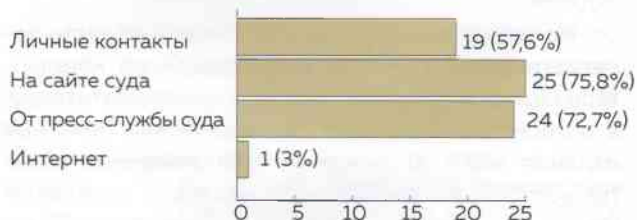

Рис. 5. Источники информации о судебных делах

Треть респондентов отметили, что пресс-секретари оперативно предоставляют запрашиваемую информацию, но большинство опрошенных указали, что быстро реагируют на запросы не все суды. 6,1% журналистов не получали ответы в сжатые сроки (рис. 6).

Оперативно ли Вам отвечают на запросы (устные, письменные) в пресс-службе судов?

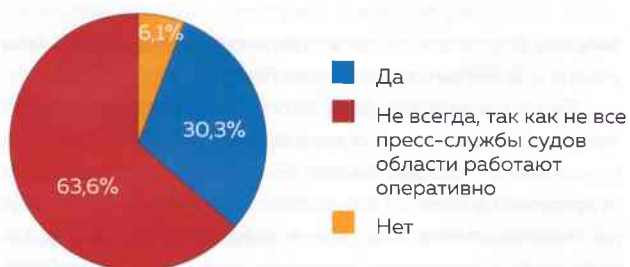

Рис. 6. Оперативность ответов судов на запросы журналистов

Взаимодействие судов Иркутской области со СМИ участники опроса оценили положительно. Журналисты отметили, что сотрудники судов – это ответственные, отзывчивые и доброжелательные люди, расположенные к конструктивному сотрудничеству. Один из респондентов дал такой комментарий: «Пресс-службы областного, Ангарского и Усольского судов – самые эффективные в моем рейтинге».

Пресс-секретари судов стараются отвечать на запросы оперативно, используя различные каналы связи. В частности, респонденты подтвердили своевременное оповещение о принятых судом решениях, а также о назначении заседаний по громким делам через группу в мессенджере.

Несмотря на позитивную тенденцию, сложившуюся в последние годы во взаимоотношениях судов со СМИ, корреспонденты обозначили и слабые стороны. По их мнению, в предоставляемых судами пресс-релизах недостаточно фактов и подробностей. Не все суды региона открыты к диалогу. Особенно это касается малосоставных судов, удаленных от областного центра.

Также участники опроса выразили пожелания, чтобы суды и пресс-службы судов:

- вникали в специфику современных каналов распространения информации;
- создали единый сайт для размещения новостей всех судов региона;
- распространяли силами пресс-секретарей фото- и видеоматериалы из зала суда, поскольку у журналистов может не быть возможности присутствовать в процессах из-за территориальных особенностей региона;
- предоставляли личные контактные телефоны сотрудников пресс-служб, отвечали на звонки в нерабочее время (рис. 7).

Требуется ли Вам при написании материала дополнительная информация, фото, видео, таблицы или иные данные, которые может предоставить пресс-служба?

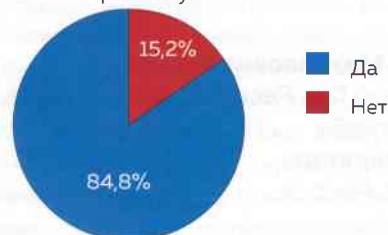

Рис. 7. Достаточность информации, предоставляемой судами

Выводы

Мнение опрошенных журналистов будет учтено в дальнейшей работе. Сегодня стоит задача оценить и усовершенствовать взаимодействие судов Иркутской области со СМИ.

Решить существующие проблемы можно с помощью повышения квалификации государственных служащих в районных судах региона либо создания пресс-службы, работающей по принципу одного окна (рис. 8). Формат объединенной пресс-службы уже зарекомендовал себя и доказал эффективность в других регионах страны.

Хотели бы Вы, чтобы в Иркутской области была объединенная пресс-служба судов, работающая по принципу одного окна?

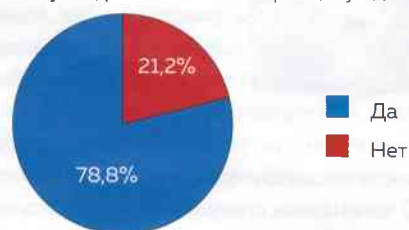

Рис. 8. Оценка необходимости создания объединенной пресс-службы судов региона

Объединенная пресс-служба – это команда профессионалов, которая отвечает за единое информационное пространство судебной системы региона, обеспечивая качественную и своевременную реализацию принципа открытости и гласности правосудия.

Партнерские отношения со СМИ способствуют формированию положительного имиджа судебной системы в регионе, укреплению доверия со стороны гражданского общества. Через журналистов суды могут обратиться к широкой публике, тем самым внося свой вклад в повышение правосознания населения.

Пресс-служба суда должна отвечать потребностям современного медийного пространства и общества, предоставлять актуальную достоверную информацию, быть мобильной, используя интернет-технологии и новые площадки для распространения данных.

Один из журналистов в рамках исследования отметил: «Когда нет официальной и качественной информации, возникает любая другая, в которую верит аудитория». Поэтому наша цель – стать первоисточником и занять стабильную нишу в инфополе Иркутской области. □

Первый председатель

Наталья Михайловна Араева

Верховный Суд Республики Калмыкия,
пресс-служба,
пресс-секретарь

г. Элиста, Россия

Закончилась Гражданская война. Разоренная страна с трудом приходила в себя. В связи с изменившимися социально-экономическими условиями — стартом новой экономической политики — с ноября 1922 года началась реформа судебной системы. После ликвидации революционных трибуналов в ее структуру вошли народные, областные (губернские) суды и Верховный Суд РСФСР.

Непростая биография

22 декабря 1922 г. Президиум ЦИК Автономной области Трудового Калмыцкого народа утвердил состав членов коллегии областного суда, его штат и количество судебно-следственных участков. Так был создан Калмыцкий областной суд — предшественник Верховного Суда Республики Калмыкия.

Его председателем стал Улюмджи Лавгаевич Лавгаев.

На сохранившейся фотографии к личному листу № 200730 запечатлен симпатичный тридцатилетний человек с открытым лицом в кителе военного образца. В автобиографии он сообщал: «Я сын простолюдина, калмыка из Сумьянова хотона Ульдючинского аймака Маньчского улуса Лавга Сангаджиева, родился в 1893 году. Отец мой, как большинство калмыков, занимался скотоводством, вечно кочуя из одного места в другое. Семья моего отца состояла из моей матери-калмычки... и двух моих братьев, из которых старший, по каким-то счастливо сложившимся обстоятельствам, научился грамоте... Он уехал в Тибет, когда мне исполнилось 13 лет... Желание моего брата дать мне образование было настолько сильно, что родители вынуждены были... согласиться с мнением брата». Благодаря этому Улюмджи Лавгаев окончил сначала четыре класса приходской школы, за ними — двухклассное Калмыцкое училище в Астрахани, потом реальное училище и, наконец, поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, но из-за болезни оставил его после второго курса. Как бы то ни было, для тех лет он получил хорошее образование. При этом ни в одном документе не забывал указать: «Учился все время за счет калмыцкого народа». А как иначе может выучиться сын простолюдина-скотовода? Его отец был не богачом, а всего лишь крепким хозяином. Но и это в те времена ставили в вину, раскулачивая, а проще говоря, разоряя добротные хо-

зяйства. В отчаянии родители впоследствии обвинили и сына — коммунист Улюмджи Лавгаева.

Важен еще один этап биографии, который сыграл трагическую роль в судьбе этого незаурядного человека. Лавгаев пишет: «В августе 1919 года я был отправлен ЦИКом Председателем Астраханской группы Реввоенсовета в армию в зафронтовую полосу, т.е. в ту часть Калмыцкой степи, которая в то время была занята белыми для распространения Воззвания Совета Народных Комиссаров калмыцкому народу. Подпольная работа продолжалась в течение 4 мес. среди трудового калмыцкого народа, угнетаемого в то время, после нехватки хлеба в январе, кажется, 1920 г. в Астрахани с довольно плодотворной мной работе».

Речь идет о том, что в разгар Гражданской войны по заданию старейшины Калмыцкого исполкома Лавгаев и Маньчоров, ставший впоследствии первым прокурором области, перешли на фронт, смогли легализоваться на территории, занятой белыми, начали службу в РСФСР в качестве подпольно-агентурной организации контрразведки Николая Деникина, и под ее прикрытием распространяли среди населения «Воззвание тов. Ленина калмыцкому Трудовому Народу».

Позже в романе «Иудейкин сын», изданном в 1925 году, Антон Амур-Санан посвятил этому эпизоду целую главу «Опоздавший», негативно оценив работу товарищей-подпольщиков. «Единственное, в чем мы обвиняли Маньчоров и Лавгаева (по их возвращении из стана зрела — РАСУЛ) — бездельность... В данном случае — дондальнейшая — взяли души в руки». Никто им в этом не помешал. И даже в дальнейшем Антон Амур-Санан и Улюмджи Лавгаев плечом к плечу работали над решением главной задачи — созданием автономии калмыцкого народа — работали вместе по улусам и аймакам и в рамках коммунистической партии, эпизод в изложении писателя — это над ними дамокловым мечом. Центральная комиссия ЦК РКП(б) неоднократно расследовала эффективность работы каждого из них в тылу белых. Фактически было принято решение дело провалить. Антон Амур-Санану рекомендовать внести в книгу необходимых отзывов. Однако по неизвестным причинам провалить не удалось. Об этом, ища защиты, Лавгаев рассказывал лично Сталину. Ответа не последовало. В 1929 году глава из книги «выстрелила» в последний раз.

Следует отметить, что история Лавгаева с первых же послевоенных лет развивалась весьма успешно.

Заведующий Калмотделом Наркомнаца (Москва), член ЦИК Калмнарода (Астрахань), начальник Калмотдела ГубЧК (Астрахань), завотделом юстиции КалмЦИКа и, наконец, председатель Областного суда. При этом в 1925 г. он — представитель Калмобласти во ВЦИКе, в 1926-м — председатель УИК...

Путь становления

К обязанностям председателя Областного суда Улюмджи Лавгаев приступил 1 января 1923 года. Высший орган правосудия автономной области подчинялся непосредственно Наркомату юстиции РСФСР. В его компетенцию входило рассмотрение уголовных и гражданских дел по первой инстанции, а также в кассационном порядке — решений нижестоящих народных судов, издание разъяснений действующего законодательства и оказание практической помощи народным судьям и заседателям. Судьи и работники судебных органов трудились в тяжелейших условиях. Из доклада Улюмджи Лавгаева в Калмыцкий ЦИК о работе Областного суда со 2 января по 15 сентября 1923 г. видно, что для малочисленного состава судей и старших следователей объем рассматриваемых дел был достаточно велик. «Осталось неоконченных дел старших следователей Областного суда к 1 января 1923 года — 125. Поступило за отчетный период — 210. Окончено в отчетный период — 135. Остаток неоконченных дел к 15 сентября 1923 года — 200». Председатель Областного суда анализирует и сообщает причины неудовлетворительного состояния судебного дела на местах, среди них — неопытность народных судей и следователей, отсутствие их связи с Областным судом из-за плохой работы местной почты и неимения средств передвижения, обширность обслуживаемой территории, крайне неквалифицированный состав улусной милиции...

В конце февраля 1924 года он обращается в ЦИК Калмыцкой области с просьбой об улучшении материального обеспечения работников суда: «Получаемое ответственными работниками Областного суда содержание настолько мало, что не обеспечивает половины прожиточного минимума даже для тех из них, которые не имеют на своем иждивении семей...» Более того, пленум Областного суда ходатайствует перед Наркоматом юстиции страны об экстренном решении этого вопроса.

В то же время Улюмджи Лавгаевич уделяет большое внимание кадровому составу судей: к кандидату в народные судьи предъявляются серьезные требования, включая опыт, стаж практической работы в органах советской юстиции, морально-нравственные качества.

Между тем над головой Лавгаева в который раз сгущаются тучи, и 2 октября 1929 г. следует его арест. Снова аукнулась ему злополучная десятилетней давности работа в тылу врага в интерпретации Амур-Санана.

У последней черты

На сей раз ОГПУ доведет свое дело до конца, ибо обвинение теперь сформулировано так: «Изобличает-

ся в том, что в 1919 году при захвате белой армией территории Маньчжурского улуса добровольно перешел на сторону последних и... активно проводил идеи белой армии, направленные на свержение советской власти и отдельных представителей последней». При составлении обвинения в дело шло всё. И то, что Улюмджи Лавгаев, будучи сыном человека, имевшего скот и сад, скрыл это при вступлении в партию; и связь с чуждым элементом — тибетским ламой (имелся в виду брат, с которым они не виделись более 30 лет); и то, что первая его жена — «зайсангша, имевшая дом на Калм.Базаре». Не пренебрегали ничем. Он обвинялся в бюрократизме, грубости «по отношению к рядовым товарищам», замкнутости, отказе от общественной работы. И это притом, что в последние годы Лавгаев принимал самое непосредственное участие в организации колхозов, оседлении кочевого народа, проведении непривычной для кочевников посевной кампании...

Знакомясь с показаниями свидетелей, Улюмджи Лавгаевич с горечью узнал, как много личных врагов появилось у него за 12 лет труда на ответственных постах. «При расследовании считаю необходимым допрашивать больше коренных жителей, знавших меня тогда и теперь, а не тех, которые питаются всякими слухами и не являлись сами очевидцами, — заявил он во время следствия. — Почему бы не допросить хотя бы Татьяну Дмитриевну Юркову, старую, заслуженную учительницу, у которой я тогда жил. Люди знают меня с детства и честно должны сказать, какую роль я играл при белых. Короче, я не признаю себя виновным в предъявленных мне обвинениях».

Но его признание никому не было нужно. Читая пожелтевшие страницы уголовного дела, ныне хранящегося в архиве УФСБ России по Республике Калмыкия, видя, как сформулированы вопросы следователей, понимаешь, что все было предрешено. 29 октября 1930 г. прозвучал приговор: «Заклучить в концлагерь сроком на десять лет»...

Развязка этого дела последовала лишь через 45 лет, когда после XX съезда партии начались массовые пересмотры множества приговоров, которыми по печально знаменитой «политической» 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР были осуждены десятки тысяч невинных людей.

Из постановления Президиума Верховного Суда Калмыцкой АССР от 24 февраля 1976 г.: «Обвинение Манкирова Г.М. и Лавгаева У.Л. в контрреволюционной деятельности не подтверждено никакими доказательствами». И вывод: «Постановление Коллегии ОГПУ от 13 октября 1930 года в отношении Манкирова Галзн Манкировича и Лавгаева Улюмджи Лавгаевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава контрреволюционного преступления».

Реабилитирован первый председатель Калмыцкого областного суда посмертно — он умер в заключении в Кемь-Слаге (Мурманская область), в феврале 1931 года. Ему было тридцать восемь лет... □

Простое дело

Александр Владимирович Пастухов

Редакция газеты «Аннинские вести» Аннинского района Воронежской области, журналист

Рабочая неделя федерального судьи Ильи Сергеевича подходила к концу. Оставалось установить факт нахождения на иждивении. Дело было простым, поэтому судья назначил его последним.

Суть была такова. Недавно умер известный в городе профессор. Его единственным наследником был сын, который занимался научной работой. Но выяснилось, что на протяжении полутора лет на иждивении профессора находился племянник его умершей жены. Виктор получил тяжелые травмы в автоаварии, где погибли его родители. После лечения в своем городе и установления второй группы инвалидности он решил приехать к дяде, надеясь на его помощь в оплате реабилитации.

Из документов следовало, что Виктор не получал иных пособий, кроме небольшой пенсии, не было у него ни счетов в банках, ни денежных переводов, ни недвижимости и транспортных средств.

В деле были чеки по медицинским договорам, оплаченные профессором, выписки из истории болезни о нуждаемости Виктора в лекарствах. Эти дорогостоящие препараты также оплачивал наследодатель.

Все требуемые законом признаки иждивения были соблюдены: постоянная и регулярная помощь со стороны профессора в течение года, отсутствие у Виктора возможности самому оплачивать свои потребности, нетрудоспособность иждивенца ко дню смерти наследодателя и совместное проживание, учитывая, что родственниками они не являлись.

Начался судебный процесс с заявления сына профессора. Ученый сообщил, что Виктор не может претендовать на наследство, о чем он, Виктор, и был проинформирован сегодня утром. Поэтому решать в процессе нечего.

Интересы истца в суде представлял адвокат по доверенности. Но наследник просил вызвать Виктора и спросить о его намерениях.

Пришлось разъяснить напрасно торжествующему наследнику, почему суд не может принять во внимание такую просьбу. Доверенность на ведение дела в суде Виктором не отозвана, заявлений на этот счет от него не поступало, а вызывать в суд гражданина, который желает вести дело через своего представителя, нет оснований.

Сын профессора был явно расстроен, а судья напомнил ему о праве иметь своего представителя, на что получил ответ: тут, мол, и так все ясно.

«Ох уж эти ученые, — подумал судья, — считают, что они разбираются во всех сферах. Хотя кандидат технических наук вряд ли знает тонкости права».

Свидетели истца сообщили суду, что полтора года Виктор жил в доме профессора, который оплачивал его лечение и питание, приобретал необходимые вещи. В большом доме у Виктора была своя комната на втором этаже.

Опровергнуть эти показания сын профессора не мог, своих свидетелей он не пригласил, а на вопросы суда от-

вечал не по существу и своими показаниями только вредил себе. Например, заявил, что Виктор злоупотреблял добротой его отца, выклянчивал у того деньги на модные гаджеты и одежду, любил с друзьями обедать в ресторанах. Конечно, его пенсии на это не хватило бы. Но все факты, которые, по мнению наследника, должны были скомпрометировать Виктора в глазах судьи, только подтверждали факт иждивения.

Спустя пару часов картина стала ясной. Или почти ясной. В голове судьи сложился пазл — будущее решение. Совершенно стандартное.

Илья Сергеевич уже собрался удалиться в совещательную комнату, но что-то не давало ему закончить дело. То ли мимолетное упоминание одного из свидетелей про какую-то Клавдию, то ли слова сына наследодателя о частом посещении ресторанов, которые профессор вряд ли бы стал оплачивать. Внутренний голос твердил судье, что не все в этом деле так гладко, как казалось вначале. А ведь в результате решения единственный сын может лишиться половины наследства, которую получит посторонний человек. К тому же научный сотрудник говорил об особой ценности библиотеки отца, которая тоже может быть разделена. Нет, с вынесением решения спешить нельзя.

Подумав, Илья Сергеевич предложил сторонам представить доказательства или опровержение того факта, что помощь профессора была единственным источником существования Виктора.

В следующем процессе, куда ученый все-таки пришел с представителем, выяснилось, что в трехкомнатную квартиру погибших родителей Виктор пустил квартирантов, и они перечисляли арендную плату на карточку, которую Виктор завел на имя двоюродной тетки Клавдии. Кроме того, Виктор умудрился продать родительскую дачу, не оформив ее нотариально. Знакомые родителей отдали деньги под расписку и обещание оформить продажу после вступления в наследство.

Деньги расчетливый мужчина хранил в банке — счет был открыт на имя той же Клавдии, — а пользовался ими по доверенности тетки.

Приглашенная в суд домработница профессора рассказала, что она уже давно дважды в неделю убирала в его доме, но не видела там ни Виктора, ни его вещей, а на втором этаже располагались только большая библиотека и рабочий кабинет хозяина.

Клавдия подтвердила сведения о карточках Виктора на ее имя.

Вместо простой и ясной картины иждивения раскрылась неприглядная история бессовестного человека, пользовавшегося добротой и порядочностью, по сути, постороннего ему лица.

Со спокойной совестью Илья Сергеевич принял решение об отказе в удовлетворении заявления. □

Журнал выходит в свет ежемесячно.
Оформить подписку через каталоги можно с любого
месяца и на любое количество экземпляров

Уважаемые читатели! Вы можете оформить подписку на журнал
в любом почтовом отделении связи по каталогам

Индекс П1902

Индекс 83181

Индекс 83181

[О журнале](#) [Контакты](#) [Авторам](#) [Статьи](#)

8 (499) 350-00-15

[Личный кабинет](#)[Новый номер](#)[Архив номеров](#)[Навстречу съезду](#)[Конкурс](#)[Новости](#)[Подписка](#)[Оплата и доставка](#)

ПОДПИСКА-2021
до **20** декабря
2020 года

стоимость подписки:
первое полугодие – **3600р**
годовая – **6600р**

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

Учредители журнала

- Верховный Суд Российской Федерации
- Конституционный Суд Российской Федерации
- Совет судей Российской Федерации
- Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации

Новости | [читать все новости](#)

19.10.2020

Вышел в свет десятый номер журнала «Судья», на страницах которого обсуждаются вопросы правовой культуры в интернете

Лингвистический экстремизм, распространение фейк-ньюс, нарушение авторских прав в Интернете стали вызовом для современного общества. Право помогает защититься от подобных вызовов и старается найти баланс между свободой слова и запретами на некорректное использование языка в публичном пространстве.

[Читать](#)

15.10.2020

Объявлены имена победителей конкурса «Профессионально о главном»

Подведены итоги конкурса, в котором участвовали пресс-секретари судов, управлений Судебного департамента и журналисты, специализирующиеся на правовой тематике.

[Читать](#)

14.10.2020

Введение института уголовного проступка будет способствовать укреплению гарантий справедливости правосудия

Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Михайлович Лебедев выступил на очередном заседании Пленума Верховного Суда России, которое состоялось посредством веб-конференции.

[Читать](#)

9 771817 817006